Леон Дэмьен

Вперёд,
в Рио-де-Жанейро!

Леон Дэмьен

Вперед, в Рио-де-Жанейро! или Реванш Остапа Бендера

«Автор»
2026

Дэмьен Л.

Вперед, в Рио-де-Жанейро! или Реванш Остапа Бендера /
Л. Дэмьен — «Автор», 2026

Это ремейк «Золотого Телёнка» или новые приключения Остапа Бендера, Александра Корейко и Шуры Балаганова! Чтобы осуществить мечту Остапа, они путешествуют по всей Европе, а потом плывут в США. Их ждут новые аферы, испытания и встречи с известными людьми. Хотите узнать всю правду об убийстве Распутина? О роли масонов в Октябрьском перевороте? Как Бала-ганов позировал самому Сальвадору Дали? Как Корейко покорил Брайтон? Добрался ли Бендер до Рио-де-Жанейро? Покупайте книгу – и всё узнаете!

© Дэмьен Л., 2026
© Автор, 2026

Леон Дэмьен
Вперед, в Рио-де-Жанейро!
или Реванш Остапа Бендера

Леон Дэмьен

Вперед, в Рио-де-Жанейро!

или

Реванш Остапа Бендера

Пролог

Как известно, роман «Золотой Теленок» заканчивается так:

Он опомнился на льду, с расквашенной мордой, с одним сапогом на ноге, без шубы, без портсигаров, украшенных надписями, без коллекции часов, без блюда, без валюты, без креста и брильянтов, без миллиона. На высоком берегу стоял офицер с собачьим воротником и смотрел вниз, на Остапа.

– Сигуранца проклятая! – закричал Остап, поднимая босую ногу. – Паразиты!

Офицер медленно вытащил пистолет и оттянул назад ствол. Великий комбинатор понял, что интервью окончилось. Сгибаясь, он заковылял назад, к советскому берегу.

Белый папиросный туман поднимался от реки. Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу, завиток чьих-то твердых черных волос и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна. Великий комбинатор тупо посмотрел на трофеи и остатки своего богатства и продолжал двигаться дальше, скользя в ледяных ямках и кривясь от боли.

Долгий и сильный пушечной полноты удар вызвал колебание ледяной поверхности. Напропалую дул теплый ветер. Бендер посмотрел под ноги и увидел на льду большую зеленую трещину. Ледяное плато, на котором он находился, качнулось и стало лезть под воду.

– Лед тронулся! – в ужасе закричал великий комбинатор. – Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Он запрыгал по раздвигающимся льдинам, изо всех сил торопясь в страну, с которой так высокомерно прощался час тому назад. Туман поднимался важно и медлительно, открывая голую плавню.

Через десять минут на советский берег вышел странный человек без шапки и в одном сапоге. Ни к кому не обращаясь, он громко сказал:

– Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы!

Пролог 2

Но это была минутная слабость. В голове Остапа уже потихоньку начинал созревать новый план для достижения заветной цели – беспечная жизнь в Рио-де-Жанейро. «Управдом? — мысленно усмехнулся он. — Нет, это не для великого комбинатора. Великим комбинаторам нужны горизонты. Широкие, как пампасы, и манящие, как блеск золотого дублона». К тому

же у него остался орден Золотого Руна – орден Золотого Теленка, и он решил, что это Знак Судьбы. И двинулся по своим следам обратно в город.

Часть первая. Тени прошлого

Глава первая. Город, где не задают вопросов

Тирасполь встретил Остапа Бендера промозглым ветром, криками торговцев и запахом жареной рыбы. Улицы были грязны после растаявшего снега (начиналась мартовская оттепель); вдоль тротуаров тянулись лужи, в которых отражались серые облака и вывески лавок. Городок жил своей жизнью — суетной, настороженной, полной слухов о пограничных проверках и пропавших без вести.

Остап шёл, кутаясь в воротник разорванного пиджака и дрожа от холода в одном сапоге. В голове крутились мысли: «Где взять деньги? Как не попасть в лапы милиции? Куда двигаться дальше?»

Он остановился у лавки с вывеской «Всё для дома и души». Хозяин, лысый мужчина с усами, похожими на две щётки для обуви, разглядывал его с подозрением. На прилавке лежали сломанные часы, пожелтевшие книги и ржавые ножи — всё то, что когда-то было ценным, а теперь превратилось в хлам.

— Вам что-то нужно? — спросил хозяин, не отрывая руки от ящика под прилавком.
— Мне нужно всё, — ответил Бендер с улыбкой. — Но начну с горячего чая.

Хозяин хмыкнул, но чай налил. Пока Остап пил, он разглядывал полки, прикидывая, что из этого можно превратить в деньги.

— Вы, наверное, приезжий, — сказал хозяин, наблюдая за тем, как Остап ставит чашку.
— Я путешественник, — ответил Бендер. — Ищу людей, которые умеют держать язык за зубами и руки в карманах.
— Это вы про кого?
— Про тех, кто не боится рисковать. Про тех, кто знает цену деньгам, но не продаёт за них душу.

Хозяин прищурился:

— Таких мало. Но кое-кого я знаю. Есть тут один… Скажем так, человек с множеством талантов. Он не любит афишировать своё имя, но если вы готовы к делу — могу устроить встречу.
— А что за дело? — Остап поставил чашку на стол, не сводя глаз с хозяина.
— О, дело простое: нужно помочь одному господину переправить кое-что через границу. Ничего незаконного, конечно, — хозяин поднял ладони, — просто… деликатная операция.
— Деликатная операция за деликатные деньги? — усмехнулся Бендер.
— Именно. Но предупреждаю: мой знакомый не любит болтунов. Если вы не готовы держать язык за зубами — лучше сразу отказаться.
— Язык я умею держать, — сказал Остап. — А вот насчёт денег хотелось бы уточнить.
— Пятьсот рублей за помощь в переговорах. И ещё пятьсот, если всё пройдёт гладко.

— Тысяча рублей? — Бендер задумчиво потёр подбородок. — Негусто. Но если это только начало…

— Это только начало, — кивнул хозяин. — Дальше - больше.

- Но идти дальше в таком виде, - начал Остап…

Усатый понимающе кивнул, ушел в глубь лавки и через минуту вынес Бендеру ношенную, но вполне приличную одёжку: свитер, пальто, шапку и сапоги. И ссудил немного денег на пропитание. На этом они распрощались.

Встреча состоялась в тот же вечер в трактире «Старый приятель» — заведении с низкими потолками, скрипучими стульями и запахом прогорклого масла. Остап пришёл первым, заказал бутылку дешёвого вина и стал наблюдать за посетителями.

Через полчаса в дверях появился человек в длинном пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Он огляделся, заметил Бендера и направился к его столу.

— Меня зовут господин Икс, — сказал он, не снимая шляпы. — Я слышал, вы готовы помочь.

— Готов помочь, — ответил Остап. — Но сперва хочу знать детали.

— Детали просты, — Икс достал из кармана конверт и положил на стол. — В этом конверте — письмо от одного уважаемого человека. В нём говорится, что вы — человек надёжный и умеете хранить тайны.

— И что дальше?

— Дальше — вы встречаетесь с моим партнёром. Он объяснит, как переправить груз. Но предупреждаю: если вы попытаетесь обмануть или сбежать — последствия будут… неприятными.

— Неприятные последствия — это не моя специализация, — улыбнулся Бендер. — Я специализируюсь на приятных доходах.

Икс усмехнулся:

— Вижу, вы человек с юмором. Это хорошо. Значит, завтра в полдень — на углу улицы Советской. Там вас будет ждать человек с тростью. Он всё объяснит.

На следующий день Остап стоял у фонтана на углу улицы Советской, наблюдая за прохожими. В руках он держал газету, делая вид, что читает. Через десять минут к нему подошёл мужчина в сером костюме, с тростью в руке.

— Вы — Бендер? — спросил он, не глядя в глаза.

— Возможно, — ответил Остап.

— Тогда слушайте. Сегодня вечером в «Гранд-отеле» состоится ужин. Вы будете там. Вас представят как… скажем, посредника в торговых делах. Ваша задача — убедить одного господина передать груз доверенному лицу.

— Почему именно я?

— Потому что вы умеете говорить убедительно. И у вас есть орден Золотого Руна. Это знак доверия.

Бендер невольно коснулся ордена на груди:

— А если я откажусь?
— Тогда вы упустите шанс заработать тысячу рублей. И, возможно, ещё больше.

— Тысяча — это не деньги, — сказал Остап. — Но если вы намекаете на «ещё больше»…
— Намекаю.

Вечером Остап сидел в ресторане «Гранд-отель» за столиком напротив господина в дорогом костюме. На столе стояли бутылки вина, тарелки с закусками, а в воздухе витал запах жареного мяса и дорогих духов.

— Итак, — начал господин, — вы утверждаете, что наш план надёжен?
— Более чем, — ответил Бендер, наливая себе вина. — Во-первых, всё делается через проверенных людей. Во-вторых, груз будет в безопасности. В-третьих… — он сделал паузу, — у меня есть знакомые, которые понимают, что такое конфиденциальность.
— Знакомые?
— Да. Люди, которые ценят тишину и деньги.

Господин задумался, вертя в руках бокал.

— Но ведь есть риски…
— Риски есть везде, — перебил Остап. — Даже когда вы храните деньги под подушкой. Но в нашем случае — это не риски, а инвестиции.

После часа разговоров господин согласился передать груз. Остап получил свои пятьсот рублей и обещание «продолжить сотрудничество».

Ночью Остап вернулся в свою комнату в ночлежке. Он разложил деньги на столе, пересчитал их, затем достал орден Золотого Руна и положил рядом.

«Начало положено, — подумал он. — Теперь нужно найти способ увеличить капитал. И не забыть про Шуру».

Он вспомнил, как оставил Балаганова в руках милиции — тот, конечно, не простит, но и не сдаст. «Без него будет скучно, — усмехнулся Остап. — Надо вытащить его. А потом — в Москву. Там простор для комбинаций».

Через неделю Бендер уже снимал комнату на Садовой. Деньги, вырученные за орден и «посредничество», позволили приодеться, снять жильё и даже завести блокнот для записей.

Он сидел за столом, листая страницы, и составлял план: вытащить Балаганова из тюрьмы; найти источник стабильного дохода и наметить путь к Лиссабону — оттуда рукой подать до Америки.

В дверь постучали. Остап поднял голову. На пороге стоял человек в форме курьера.

— Вам письмо, — сказал он, протягивая конверт.

Бендер взял письмо, вскрыл его и прочитал:

«Если вы всё ещё ищете партнёров — приходите завтра в кафе «Прага» в три часа. Скажете, что от «старого приятеля». И возьмите с собой деньги — разговор будет дорогой».

Остап улыбнулся. «Вот оно, — подумал он. — Начало новой авантюры».

Глава вторая. Письмо от «старого приятеля»

Утро в московской квартире на Садовой началось с резкого стука в дверь. Остап Бендер, ещё не до конца стряхнувший сон, поднялся с кровати и, накинув халат, подошёл к порогу.

— Кто? — спросил он, прильнув к глазку.

На лестничной площадке стоял курьер в форменной фуражке — тот самый, что принёс письмо накануне.

— Вам пакет, — произнёс он, протягивая конверт. — Срочная доставка.

Бендер взял конверт, развернул его и вынул лист бумаги. Строки бежали перед глазами:

«Уважаемый господин Бендер!
Если вы заинтересованы в деле, сулящем солидный доход, ждём вас сегодня в три часа пополудни в кафе «Прага». При себе иметь не менее пятисот рублей. Одеты будьте прилично — партнёры ценят внешний лоск.
От старого приятеля».

Остап усмехнулся. «Пятьсот рублей… — подумал он. — Это почти половина того, что у меня есть. Но если дело стоящее…»

Он подошёл к зеркалу, осмотрел себя. Костюм, купленный на вырученные от ордена деньги, сидел неплохо, но уже требовал починки: на локте проступила дырка, а на воротнике виднелось пятно от вина. «Надо привести себя в порядок, — решил Бендер. — Великому комбинатору не пристало выглядеть как бродяга».

Через два часа Остап вышел из мастерской на Кузнецком Мосту. Брюки были подшиты, пиджак вычищен, а на воротнике не осталось ни следа от пятна. Портной, пожилой мужчина с лупой в глазу, поклонился:

— Всё по высшему разряду, господин. Теперь вы выглядите как настоящий барин.
— Барин — это хорошо, — ответил Бендер, расплачиваясь. — Но я не барин. Я — предприниматель.

Портной улыбнулся, но ничего не сказал.

В три часа дня Бендер вошёл в кафе. Зал был полон: за столиками сидели господа в дорогих костюмах, дамы с веерами, офицеры в отглаженных мундирах. В воздухе пахло кофе, ванилью и деньгами.

Остап огляделся. В углу, за столиком у окна, сидел мужчина в сером костюме. Он поднял руку, заметив Бендера.

— Вы вовремя, — сказал он, когда Остап подошёл. — Я — господин Л.

— Бендер, — представился Остап, садясь напротив.

Господин Л. кивнул, затем достал из кармана блокнот и положил на стол.

— У меня есть предложение, — начал он. — Речь идёт о… скажем так, посредничестве в одном деликатном вопросе.

— Деликатные вопросы — моя специализация, — улыбнулся Бендер.

— Тогда слушайте. Один уважаемый человек хочет продать старинную библиотеку. Книги редкие, ценные, но… — он сделал паузу, — есть нюанс.

— Какой именно?

— Библиотека находится в имении, которое вот-вот конфискуют. Нужно успеть вывезти её до того, как придут уполномоченные.

— И в чём моя роль?

— Вы — человек с репутацией. Вы умеете договариваться. Ваша задача — встретиться с владельцем, убедить его продать книги, а затем организовать перевозку.

— А почему владелец не может сам продать?

— Потому что он… скажем так, не в Москве. И не может появляться на людях.

Бендер задумался. «Библиотека… — размышлял он. — Если книги действительно редкие, можно выручить хорошие деньги. Но риск…»

— Сколько предлагают за посредничество? — спросил он.

— Пятьсот рублей авансом. И ещё тысяча, если сделка состоится.

— Тысяча? — Бендер усмехнулся. — Это не деньги. Но если вы намекаете на «ещё больше»…

— Намекаю. Если книги удастся продать, вы получите процент. Скажем, десять от суммы сделки.

«Десять процентов… — мысленно прикинул Остап. — Если библиотека стоит хотя бы десять тысяч, это тысяча рублей. Неплохо».

— Я согласен, — сказал он. — Но мне нужны подробности.

После встречи Бендер долго бродил по московским улицам. Ветер трепал полы его нового пиджака, фонари зажигались один за другим, а в голове крутились мысли.

«Библиотека… — думал он. — Нужно узнать, какие именно книги. Если там есть первые издания Пушкина или рукописи декабристов — это уже серьёзный капитал. Но как проверить?»

Он зашёл в телефонную будку, достал записную книжку и нашёл номер. Набрал цифры, дождался ответа.

— Алло, — произнёс он. — Мне нужен человек, разбирающийся в редких книгах. Можете помочь?

Голос на том конце провода ответил:

— Это зависит от того, что именно вам нужно.
— Мне нужен эксперт. Чтобы оценить библиотеку.
— Это дорого.
— Деньги есть.
— Тогда приходите завтра в девять утра к памятнику Пушкину. Там будет человек с книгой в руках. Он вас найдёт.

Бендер улыбнулся. «Вот оно, — подумал он. — Начало новой авантюры».

На следующее утро Остап стоял у памятника. В руках он держал газету, делая вид, что читает. Через десять минут к нему подошёл мужчина в очках, с толстым томом под мышкой.

— Вы ищете эксперта? — спросил он тихо.
— Да.
— Тогда идём. Здесь не место для разговоров.

Они свернули в переулок, зашли в кафе с неприметной вывеской. Мужчина поставил книгу на стол и посмотрел на Бендера.

— Что именно вы хотите узнать?
— Есть библиотека. Нужно понять, сколько она может стоить.
— Какие книги?
— Не знаю. Но владелец утверждает, что там есть редкие издания.
— Где библиотека?
— В имении под Москвой. Но скоро её могут конфисковать.

Эксперт усмехнулся:

— Конфискация — это плохо. Но если книги действительно ценные, их можно вывезти и продать. Однако… — он поднял палец, — это опасно.
— Опасность — моя профессия, — ответил Остап.
— Хорошо. Тогда давайте так: я поеду с вами, осмотрю книги и скажу, сколько они стоят. Мой гонорар — сто рублей.
— Согласен.

Вечером Бендер сидел за столом в своей квартире и составлял план:
Встретиться с владельцем библиотеки (через господина Л.). Убедить его продать книги. Организовать перевозку (с помощью эксперта). Найти покупателя (возможно, через знакомых коллекционеров).

Он достал блокнот, записал имена и номера телефонов, затем положил сверху письмо от «старого приятеля».

«Всё идёт по плану, — подумал Остап. — Теперь осталось только действовать».

Глава третья. Дело о библиотеке: первые ходы

Утро выдалось промозглым. Туман стелился по мощёным улицам, фонари ещё не погасили, а Остап Бендер уже шагал к дому господина Л. В кармане лежали пятьсот рублей авансом — деньги, которые нужно было превратить в ещё большие деньги.

Дверь открылась без стука. Господин Л. сидел за письменным столом, перебирая бумаги.

— Вы рано, — заметил он, не поднимая глаз.
— Ранняя пташка клюёт зернышко, — отозвался Бендер, усаживаясь напротив. — Где подробности?

Господин Л. достал из ящика стола конверт, вскрыл его и выложил на стол три листа: письмо от владельца библиотеки (подпись неразборчива, печать смазана); опись книг (на восьми страницах, с пометками «редк.», «перв. изд.», «автогр.»); схему проезда к имению (карандашные пометки, перекрёстки, условные знаки).

— Вот, — сказал господин Л., проводя пальцем по описи. — Триста семьдесят два тома. Среди них — первые издания Радищева, рукопись Карамзина, инкунабулы. Если вы сумеете вывезти и продать…
— Если, — перебил Остап. — А гарантии?
— Гарантия — мой интерес. Я получаю десять процентов от сделки. Вы — двадцать.
— Двадцать? — Бендер усмехнулся. — Это не деньги. Предлагаю тридцать.
— Двадцать пять. И это предел.
— Принимаю. Но с условием: я веду переговоры с владельцем лично.

Господин Л. задумался, постукивая карандашом по столу.

— Хорошо. Но встреча — сегодня в восемь вечера. В «Метрополе».

В ресторане пахло жареным миндалём и духами. За столиком у окна сидел мужчина в тёмных очках, несмотря на вечер. Перед ним — бокал минеральной воды, закрытая папка.

— Вы Бендер? — спросил он, не глядя на Остапа.
— Да. А вы?
— Назовём меня… хранителем библиотеки.

Бендер сел, заказал чай и развернул опись.

— Здесь сказано: рукопись Карамзина. Какая именно?
— «Записки о древней и новой России». С пометками автора.
— И вы готовы продать?
— Готов. Но не любому. Мне нужен человек, который: вывезет книги до конфискации (срок — неделя); сохранит анонимность владельца; найдёт покупателя, готового заплатить по рыночной цене.

— Рыночная цена? — Остап поднял бровь. — Вы сами её знаете?
— Примерно. От пятнадцати до двадцати тысяч рублей.

Бендер едва не присвистнул. «Если взять двадцать пять процентов… — пронеслось в голове. — Пять тысяч. Неплохо».

— Условия принимаю, — сказал он. — Но мне нужны: ключ от библиотеки; список запрещённых к вывозу книг (чтобы не попасть в ловушку); контакт человека, который поможет с транспортом.

Хранитель достал из папки ключ на шнурке и лист бумаги.

— Ключ от боковой двери. Список — здесь. А возчик… — он назвал фамилию и адрес. — Он ждёт вас завтра в десять утра.

На следующий день Остап стоял перед чугунными воротами старинной усадьбы. Над входом — герб с полустёртыми львами, по бокам — флигели с закрытыми ставнями.

Возчик, коренастый мужчина с рыжей бородой, сплюнул:

— Ну, пошли. Только быстро. Тут кругом патрули.

Они прошли через сад, миновали оранжерею и оказались у боковой двери. Ключ вошёл в замок с лёгким щелчком.

Внутри пахло пылью, воском и старой бумагой. Полки тянулись от пола до потолка, корешки книг поблёскивали в полумраке.

— Вот список запрещённых, — сказал возчик, протягивая бумагу. — Всё, что выше черты, вывозить нельзя.

Бендер пробежал глазами строки: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева (запрещено); письма декабристов (запрещено); «История государства Российского» Карамзина (разрешено, но с осмотром).

«Значит, рукопись — можно, — подумал Остап. — А остальное… придётся оставить».

— Начинаем, — скомандовал он. — Берём: рукопись Карамзина; инкунабулы (пять томов); первые издания Пушкина и Лермонтова (восемь томов); атласы XVIII века (три штуки).

Возчик кивнул, достал из мешка холщовые мешки и начал аккуратно складывать книги.

К полуночи они закончили. Три больших мешка лежали в телеге, укрытые мешковиной.

— Куда теперь? — спросил возчик.

— В Москву. Но не напрямую. Сделаем крюк через Старые Пруды — там меньше проверок.

— А потом?

— Потом — к эксперту. Он оценит книги и найдёт покупателя.

Возчик затянул узел на мешке и посмотрел на Остапа:

— Ты уверен, что это не ловушка?

— Уверен. Потому что если это ловушка — мы уже в ней. А значит, надо действовать быстрее.

Вернувшись домой, Бендер разложил книги на столе. Эксперт, тот самый мужчина с книгой под мышкой, пришёл через час.

Он надел очки, взял рукопись Карамзина и долго изучал страницы. Затем перешёл к инкунабулам.

— Это сто́ит… — он сделал паузу. — От восемнадцати до двадцати двух тысяч рублей. Если продавать по частям — больше. Но риск.

— Какой риск?

— Могут спросить, откуда. А если узнают, что из конфискуемого имения…

— Поэтому продавать будем через посредников.

Эксперт кивнул:

— Есть коллекционер. Он купит всё сразу. Но даст только пятнадцать тысяч.

— Пятнадцать? — Бендер нахмурился. — Это ниже рынка.

— Зато безопасно. И деньги — завтра.

Остап задумался. «Пятнадцать тысяч… — прикидывал он. — Мой процент — три тысячи семьсот пятьдесят. Плюс аванс… Почти четыре тысячи. Не Рио-де-Жанейро, но уже что-то».

— Соглашаюсь, — сказал он. — Организуйте встречу.

На следующее утро Бендер стоял у окна своей квартиры. В руках — конверт с деньгами, на столе — список дел: передать деньги господину Л. (1 500 руб.); выплатить возчику (300 руб.); отложить на «оперативные расходы» (500 руб.); начать подготовку к вызволению Шуры Балаганова.

Он улыбнулся. «Теперь — за Шурой, — подумал он. — Без него скучно».

Глава четвёртая. Дело Балаганова: актёры и роли

Ранним утром, когда Москва только просыпалась, а туман ещё цеплялся за карнизы домов и чугунные ограды скверов, Остап Бендер неспешно шагал по Сухаревской площади. В воздухе пахло печёным хлебом, конским потом и свежей типографской краской — где-то неподалёку развозили утренние газеты. Бендер время от времени поправлял воротник нового пальто, купленного на деньги от продажи ордена Золотого Руна. Пальто сидело неплохо, но всё же не так безупречно, как ему хотелось бы: левый рукав слегка топорщился, а подкладка шелестела при каждом движении. «Не фрак Монте-Кристо, конечно, — думал он, — но для начала сойдёт. Великий комбинатор должен выглядеть солидно, даже если в кармане всего пара червонцев и план на миллион».

Он свернул в подворотню, где у ящика из-под чая сидел Филя-Граммофон — бывший карточный шулер, ныне торговавший папиросами. Филя курил самокрутку, щурился на утреннее солнце и лениво предлагал прохожим «отличные папиросы, прямо с фабрики». Его небритая щека подрагивала в такт мыслям, а глаза, быстрые и настороженные, следили за каждым, кто приближался к его импровизированному прилавку.

Бендер присел рядом, достал портсигар (пустой, но внушительный на вид) и сказал негромко:

— Мне нужен человек, который знает всё и обо всех. Говорят, это ты.

Филя затянулся, выпустил струю дыма и прищурился:

— Ну, не про всех, конечно. Но про кое-кого — да. Кого ищете?
— Балаганова. Шуру. Где он, что с ним?

Филя почесал небритую щёку, затянулся ещё раз, словно растягивая паузу для драматичного эффекта.

— Балаганов? Да, сидит. В Бутырке. Срок — год за карманную кражу.
— Год? — Бендер прищурился, мысленно прикидывая варианты. — Это можно сократить.
— Можно, — согласился Филя, стряхнув пепел. — Если у тебя есть пятьсот рублей и связи в прокуратуре.
— У меня есть идея, — улыбнулся Бендер, и в этой улыбке было столько холодной расчётливости, что даже Филя невольно поежился.

Идея была проста, как всё гениальное. Найти двойника.

В Москве всегда хватало людей, готовых сыграть чужую роль за пару червонцев. Подстроить «опознание»: пусть кто-нибудь заявит, что Балаганов — это на самом деле некий Иванов, ошибочно осуждённый за мелкое хулиганство. Использовать бюрократическую неразбериху. В начале 30-х годов бумажная волокита была такой густой, что в ней можно было утонуть — или, наоборот, скрыться.

«Бюрократия — это театр, — размышлял Бендер, шагая по мощёной улице. — А я — режиссёр. Осталось найти актёра на главную роль».

Актёра нашли быстро. Им оказался безработный артист по фамилии Шмыгалов, который коротал время в трактире «Якорь», попивая чай с сушками и сетуя на судьбу. Шмыгалов был худощав, с подвижным лицом и удивительно гибким голосом — он мог имитировать интонации любого собеседника, стоило лишь пару минут послушать его речь.

Бендер сел за его стол, положил перед собой монету в червонец и сказал:

— Есть роль. Плачу сейчас, остальное — после исполнения.

Шмыгалов поднял глаза, в которых мелькнул алчный огонёк.

— И что за роль?
— Ты должен стать Балагановым. Только чуть более интеллигентным.
Актёр хмыкнул, покрутил монету между пальцами.
— Интеллигентным карманником? Это что-то новенькое.
— Именно, — кивнул Бендер. — В этом и соль.

Он объяснил план кратко, но ёмко: Шмыгалов заявится в участок и скажет, что его ошибочно приняли за Балаганова; Филя подбросит «свидетеля», который якобы узнал Балаганова в толпе; Бендер возьмёт на себя переговоры с чиновниками, завалив их бумагами.

— А если не сработает? — спросил Шмыгалов, вертя в руках червонец.
— Сработает, — уверенно ответил Остап. — Потому что бюрократия — это театр. А ты — актёр.

Репетировали в заброшенном сарае на окраине. Ветер гулял между досками, скрипели старые ящики, а в углу шуршали крысы. Бендер разложил на одном из ящиков бумаги — «справки», «письма», «прошения» — всё тщательно подделанное, но выглядевшее достаточно убедительно, чтобы заставить чиновника задуматься.

Шмыгалов встал напротив, подражая позе Балаганова — слегка сгорбленный, с рукой, будто сжимающей невидимую монету.

— Итак, — начал Остап, глядя на актёра с холодным одобрением. — Ты — Балаганов. Но не тот, кого все знают. Ты — человек с прошлым, с историей. Ты не вор, а… скажем, собиратель фольклора. Изучаешь пословицы и поговорки карманников.
— Собиратель фольклора? — Шмыгалов рассмеялся, но тут же взял себя в руки, уловив строгий взгляд Бендера. — Это лучше, чем «хулиган».
— Вот именно. Теперь покажи его жест.

Актёр поднял руку, нервно потёр пальцы, будто пересчитывая монеты.

— Отлично, — одобрил Бендер. — Теперь голос.

Шмыгалов заговорил с характерной хрипотцой:

— «Командор, вы меня звали?»
— Идеально.

На следующий день всё пошло по плану.

Шмыгалов явился в участок, размахивая «справкой» о том, что он — Иванов, осуждённый за хулиганство, и требует разобраться. Его голос дрожал от праведного гнева, а глаза блестели так искренне, что даже бывалый дежурный на мгновение заколебался.

Филя подбросил «свидетеля» — старушку в платке, которая «узнала» Балаганова на рынке. Она причитала, тыкала пальцем в Шмыгалова и повторяла: «Так это же он! Я его вчера у ларька видела!»

Бендер появился в прокуратуре с папкой, набитой бумагами: «справка» о «фольклорных изысканиях»; «письма» от «научного общества» и «прошение» от «родственников».

Чиновники хмурились, перелистывали документы, сверяли даты, но бумажная гора, которую Бендер вывалил на стол, заставила их задуматься. «Бюрократия любит бумагу, — размышлял Остап, наблюдая за их колебаниями. — Чем больше бумаги, тем меньше вопросов. Главное — не дать им времени на размышления».

— Понимаете, — говорил он, размахивая папкой с таким видом, будто держал в руках не бумаги, а ключи от рая, — произошла чудовищная ошибка. Мой клиент — вовсе не вор, а… э-э-э… исследователь фольклора. Да, именно так! Собирает пословицы и поговорки карманников. Это важно для науки!

Один из чиновников вздохнул, потёр переносицу и сказал:

— Ладно, давайте проверим.

Проверка затянулась на три недели.

В один из хмурых дней у ворот Бутырки стоял человек в сером пальто и шляпе. Это был Бендер. Он смотрел на часы и ждал. Ветер трепал полы его пальто, а в глазах читалась холодная сосредоточенность — как у шахматиста, просчитавшего партию на десять ходов вперёд.

Наконец ворота открылись, и наружу вышел Балаганов — слегка ошарашенный, в мятом костюме, но живой и почти невредимый. Он щурился на дневной свет, будто человек, долго пробывший в темноте, и неуверенно оглядывался по сторонам.

Увидев Остапа, он замер, потом прошептал:

— Командор… Вы… вы вернулись?
— Конечно, вернулся, — усмехнулся тот. — Кто же бросит друга в беде?
— Но зачем?
— Затем, что у меня есть план. Большой план. И ты в нём — важная деталь.

Балаганов посмотрел на него с недоверием, потом на карту, которую Бендер достал из кармана. На ней красным карандашом было отмечено одно место — далёкое, манящее, почти нереальное.

— Рио-де-Жанейро, — произнёс Остап с придыханием. — Город, где нас ждут миллионы.

Балаганов посмотрел на карту, потом на Бендера — и вдруг расхохотался. Его смех звучал немного нервно, но в нём было и восхищение, и страх, и что-то ещё, неуловимое — как будто он впервые понял, что значит быть частью великой авантюры.

— Вы безумец, — сказал он наконец.
— Я — великий комбинатор, — ответил Остап, - и это только начало.

Глава пятая. Долг чести: встреча с Козлевичем

По дороге на квартиру компаньоны заехали в комиссионный магазин, где Бендер прикупил для Балаганова плащ и ботинки (не слишком новые – чтобы не выделяться), затем они затарились продуктами и парой бутылок вина. Шура первым делом залез в ванну и нежился там два часа, попыхивая гавайской сигарой, потом умял тарелку мяса с овощами и приготовился слушать рассказ Остапа о его приключениях и дальнейших планах.

- Понимаешь, Шура, - сказал Бендер в итоге, - прежде чем мы отправимся в Рио, мы должны посетить Арбатов.

- Арбатов? – удивился Балаганов, сразу захмелевший от крепкого вина после года тюремного воздержания и осоловев от обильной еды. – Зачем нам в Арбатов?

- Дело в том, что меня до сих пор мучает совесть за то, что я невольно обманул милейшего Адама Казимировича. Я обещал ему новую машину – и не купил. Это меня беспокоит, и я хочу исправить положение. Великий комбинатор не бросает слов на ветер. Пора платить по счетам.

- Но как вы сможете купить машину? Ведь вы – частное лицо!

- Есть идея, - подмигнул Остап, разливая вино, - но об этом – позже. Неделю отдыхаем, отлеживаемся, уточняем детали дальнейших планов – и в путь!

Поезд покачивался на рельсах, унося Бендера и Балаганова прочь от московской суеты. За окном проплывали берёзовые рощи, полустанки с покосившимися будками, поля, уже тронутые осенней желтизной. Остап сидел у окна, постукивая пальцами по подлокотнику, и мысленно выстраивал план.

Балаганов, прикорнувший в кресле напротив, время от времени вздыхал, поправлял воротник и косился на Бендера. В его взгляде читалось недоумение: зачем эта поездка? Ведь впереди — Рио-де-Жанейро, миллионы, новая жизнь. Но Остап молчал, лишь изредка бросая: «Всему своё время, Шура».

«Козлевич… — думал Бендер. — Человек простой, но с принципами. Для него обещание — не пустой звук. А я его обманул. Не намеренно, конечно. Но факт остаётся фактом: долг есть долг».

Он вспомнил их последнюю встречу: пыльный гараж, запах машинного масла, глаза Козлевича, полные надежды. «Вы же сказали — новая машина, Остап Ибрагимович!» — «Увы, Адам, я не могу купить вам машину, я – частное лицо. А вот новый маслопроводный шланг я вам купил». Но разве шланг может заменить машину?

«Но теперь всё изменится, — решил Остап. — Найду подходящий автомобиль, вручу с почестями. Пусть это будет не „Роллс-Ройс“, но что-то достойное. Чтобы не стыдно было смотреть в глаза».

В пригороде Москвы, за пыльными заборами и ржавыми воротами, скрывались гаражи бывших нэпманов — те самые места, где можно было найти всё: от антикварной мебели до полуразобранных автомобилей. Бендер шагал по разбитой дороге, внимательно разглядывая вывески и прислушиваясь к звукам из-за заборов.

Наконец он остановился у ворот с табличкой «Ремонт авто. Скупка. Обмен». Внутри — полутёмный гараж, в углу — старый «Форд-А» 1928 года выпуска. Машина была потрёпанной, но на ходу: кузов покрыт царапинами, сиденья вытерты, но двигатель работал ровно.

— Беру, — сказал Бендер, бросив на верстак пачку ассигнаций.

Продавец, мужчина с сальными волосами и масляными руками, замялся:

— А документы?

— Документы будут, — усмехнулся Остап. — У меня всегда всё в порядке с документами.

Он знал: в Москве всегда найдутся люди, готовые оформить бумаги за умеренную плату. Главное — найти машину, которая не развалится через неделю и не вызовет подозрений у Козлевича.

Дорога заняла два дня. Балаганов сидел за рулём, а Бендер расположился на заднем сиденье, время от времени давая указания:

— На повороте — тормози. Нет, не так резко! Ты что, хочешь, чтобы нас остановили?
— Да куда тут остановят, — ворчал Шура. — Дорога пустая, как моя голова после вчерашнего.
— Вот именно, — хмыкнул Остап. — Поэтому будь бдителен.

По вечерам они останавливались в придорожных трактирах. Бендер заказывал ужин, не скупясь, и попутно выведывал у местных сплетни — вдруг кто-то видел Козлевича.

— Адам Казимирович? — вспоминал один из возчиков. — Да, проезжал тут месяц назад. Говорил, что в Арбатове у него родня.
— Родня, — повторил Бендер, задумчиво помешивая чай. — Значит, там его и искать.

Он разглядывал посетителей трактира: усталых крестьян, говорливых торговцев, молчаливых шофёров. В каждом видел потенциальный источник информации, возможный рычаг для будущей комбинации. Но сейчас его мысли были только о Козлевиче.

Арбатов встретил их пыльными улицами и ленивыми собаками, гревшимися на солнце. Дома стояли плотно, с резными наличниками и покосившимися заборами. В воздухе пахло печёным хлебом и конским потом.

Козлевич обнаружился в старом гараже на окраине. Он чинил велосипед, напевая что-то себе под нос. В руках — ветошь, на лице — сосредоточенность мастера, который знает: любая деталь важна.

— Адам Казимирович! — воскликнул Бендер, выходя из машины.

Козлевич поднял глаза, вытер руки, прищурился:

— Остап Ибрагимович? Вы?
— Я, — улыбнулся Бендер. — И не один, а с подарком.

Он распахнул дверь «Форда», приглашая Козлевича внутрь.

— Это… мне? — прошептал Адам Казимирович, проводя ладонью по потрёпанному сиденью.
— Вам, — кивнул Остап. — За все неудобства, что я вам причинил.
— Но… как? Почему?
— Потому что великий комбинатор всегда платит по счетам, — торжественно произнёс Бендер.

В тот же день Козлевич устроил скромный ужин. На столе — картошка с луком, селедка, копченая колбаса, солёные огурцы и самогон в стеклянном кувшине. Лампа с абажуром из газеты давала тёплый свет, тени плясали по стенам, а за окном уже сгущались сумерки.

Разговор лился рекой. Балаганов смеялся, вспоминая:

— А помните, как мы на «Антилопе» гнали впереди автопробега?

— Помню, — вздохнул Козлевич. — Тогда всё казалось проще.

— Просто мы были моложе, — заметил Бендер. — Теперь же… теперь у нас новые горизонты.

— Рио-де-Жанейро, — прошептал Шура, пригубив самогона. — Звучит как музыка.

— Именно, — кивнул Остап. — Но прежде чем туда отправиться, нужно завершить ещё одно дело.

— Какое? — насторожился Балаганов.

— Узнаешь завтра, — загадочно улыбнулся Бендер. — А сейчас — за Адама Казимировича! За его новую машину и за наше будущее!

На следующее утро они попрощались с Козлевичем. Адам Казимирович стоял у ворот, держа в руках ключи от «Форда». Он смотрел, как машина с его бывшими подельниками скрывается за поворотом, и тихо шептал:

— Удачи вам. И пусть Рио-де-Жанейро вас не разочарует.

В поезде, по пути в Москву, Бендер смотрел в окно на мелькающие поля. В голове — новые комбинации, новые планы. «Теперь — к следующему шагу, — думал он. — Лотерея. Деньги. Рио».

Балаганов не выдержал:

— Ну? Что за план?

Бендер достал из кармана карту, развернул её и ткнул пальцем в точку на другом конце света:

— Смотри. Вот он — наш путь. Но сначала…

Он сделал паузу, глядя в окно, и продолжил:

— Сначала нам нужно раздобыть деньги. Много денег. И я знаю, как это сделать.

Глава шестая. Лотерея великого комбинатора

Москва встречала их хмурым апрельским утром. Туман стелился над мостовыми, прятал фасады домов, превращал фонари в размытые жёлтые пятна. Бендер шёл по Никитскому бульвару, засунув руки в карманы, и мысленно перебирал детали плана. В голове звучали ритмы будущих диалогов, складывались цепочки действий — как ноты в партитуре.

«Лотерея, — размышлял он. — Не просто обман, а благотворительный обман. Это меняет всё. Люди любят чувствовать себя добрыми. А мы дадим им эту возможность — за их же деньги».

Он остановился у витрины канцелярского магазина, разглядывая образцы бланков и печатей. «Билеты должны выглядеть солидно. Не кустарная печать, а почти государственная».

Следующие три дня Бендер провёл в беготне по городу. Он нашёл типографию на задворках Садового кольца, где за умеренную плату согласились напечатать тысячу лотерейных билетов с водяными знаками и гербовой символикой; арендовал помещение на первом этаже дома у Никитских ворот — светлый зал с большими окнами, дубовым столом и портретом «попечителя» (наспех написанным художником-авантюристом за три бутылки портвейна); составил Устав благотворительного общества «Светлое будущее», где чёрным по белому значилось: «Все средства направляются на помощь сиротам Поволжья» и договорился с газетчиком из «Вечерней Москвы» о двух заметках: «В столице стартует благородная акция» и «Лотерея помогает детям: первые успехи».

Балаганов, которому поручили «рекламную часть», бродил по улицам, развешивал объявления и вполголоса уговаривал прохожих:

— Купите билет! Всего пятьдесят копеек — и вы спасаете ребёнка! А может, и сами выиграете что-то ценное…

— Не переигрывай, — предостерегал его Остап. — Пусть это выглядит искренне. Как будто ты и сам веришь.

В день открытия у дверей лотерейного бюро толпились любопытные. Кто-то приходил из любопытства, кто-то — из сочувствия. Бендер, в отутюженном костюме и с печатью важности на лице, встречал гостей у входа.

— Граждане! — провозглашал он, размахивая пачкой билетов. — Каждый ваш вклад — это шаг к спасению! Пятьдесят копеек — и вы помогаете сиротам. А ещё — можете выиграть ценный приз: велосипед, часы или даже… — он делал паузу, — радиоприёмник!

Люди колебались. Женщина в платке спросила:

— А правда, что всё пойдёт детям?

— Клянусь, — с пафосом ответил Остап. — Вот смотрите: у нас есть счёт в банке, отчётность, попечительский совет. Всё прозрачно!

Он показал папку с бумагами (большинство — поддельные, но выглядевшие убедительно). Женщина кивнула и купила два билета.

«Вера — штука хрупкая, — думал Бендер, наблюдая за ней. — Но если подать её с правильной интонацией, люди готовы поверить во что угодно».

Через неделю слухи о лотерее разлетелись по городу. В газетах появились заметки:

«За пять дней продано более трёхсот билетов! Общество «Светлое будущее» уже перечислило первую тысячу рублей в детский дом № 5».

На самом деле билетов продали чуть больше сотни, а в детский дом ушли лишь пятьдесят рублей (чтобы потом можно было показать квитанцию). Но Бендер умело играл цифрами. Он нанял двух студентов, которые ходили по улицам и громко обсуждали:

— Слышал, там радиоприёмник разыгрывают! Надо взять билет!
— А мне сказали, что победитель уже есть, но имя скрывают…

В бюро начали выстраиваться очереди. Люди спрашивали:

— А когда розыгрыш?
— Скоро! — улыбался Остап. — Мы ждём, когда накопится достаточно средств для крупного приза. Всё по правилам!

На десятый день Бендер выбрал «победителя» — безработного слесаря Громова. Тот был рад получить червонец и сыграть роль.

— Ты выйдешь на сцену, — объяснял ему Остап, — возьмёшь билет, вскроешь его, закричишь: «Я выиграл!» — и покажешь всем номер. Потом мы вручим тебе велосипед (старый, но рабочий), а ты скажешь: «Спасибо за доброту!»

— А радиоприёмник? — спросил Громов.
— Радиоприёмник — для следующего розыгрыша, — улыбнулся Бендер. — Это же благотворительность. Она должна продолжаться.

В назначенный день в зале Дома культуры собрались люди. На сцене — стол с призами, портрет «попечителя», а рядом — Бендер в роли «руководителя акции».

— Дорогие друзья! — начал он, поднимая руку. — Сегодня мы вручаем первый крупный приз! Встречайте — победитель, товарищ Громов!

Громов вышел, дрожащими руками вскрыл билет, ахнул и закричал:

— Это я! Я выиграл!

Зал зааплодировал. Бендер торжественно вручил ему велосипед.

— Спасибо! — сказал Громов, краснея. — Я этого никогда не забуду!

После церемонии к Остапу подошёл чиновник из исполкома:

— Хорошая работа, товарищ. Может, продлим акцию?
— Конечно! — воскликнул Бендер. — Мы только начинаем!

Когда зал опустел, Остап и Шура сидели в бюро, пересчитывая выручку.

— Три тысячи рублей, — прошептал Балаганов, перекладывая купюры. — Это… это же целое состояние!
— Пока — только аванс, — усмехнулся Бендер. — Настоящий куш впереди.

Он достал карту, развернул её и снова ткнул пальцем в Рио-де-Жанейро.

— Видишь? Всё идёт по плану.

Шура посмотрел на карту, потом на Остапа и вдруг расхохотался.

— Вы безумец, Командор.
— Я — великий комбинатор, — ответил Бендер, пряча деньги в сейф. — И это только начало.

Глава седьмая. Искусство убеждения: встреча с Корейко

В воздухе пахло весной и авантюрой. Где-то в далёком Рио-де-Жанейро пальмы шептались с океаном, а здесь, в Москве, великий комбинатор уже чертил новый план — такой же изящный и дерзкий, как полёт чайки над волнами.

Поезд мерно стучал колёсами, унося Бендера и Балаганова в город, где затаился Александр Иванович Корейко — человек-тайна, человек-сундук, человек, чьё состояние могло бы купить не то что Рио-де-Жанейро, а половину Южной Америки.

Балаганов то и дело поглядывал в окно, потом на Остапа, потом снова в окно. Наконец не выдержал:

— И всё-таки не пойму: зачем нам Корейко? У нас уже есть деньги на билеты.
— Деньги — пыль, Шура, — отозвался Бендер, не отрываясь от газеты. — Пыль, которую ветер уносит в неизвестность. А у Корейко — капитал. Система. Механизм, который работает десятилетиями. Мы не отберём его деньги. Мы заставим его поделиться мечтой.
— Мечтой? У Корейко?
— У каждого есть мечта, — усмехнулся Остап. — Даже у такого сухаря. Просто он ещё не знает, какая она.

Корейко жил в скромной квартире на окраине — ни вывесок, ни роскоши, ни даже звонка на двери. Дом стоял в тупике, окружённом старыми тополями; окна выходили на пустырь, где мальчишки гоняли ободранный мяч. Всё здесь дышало неприметностью, будто само пространство старалось не привлекать внимания к этому месту.

Бендер постучал костяшками пальцев. Через минуту в щели показалось настороженное лицо.

— Вы? — брови Корейко дрогнули. — Я думал, вы давно… где-то там.
— Где-то там — это слишком расплывчато, Александр Иванович, — улыбнулся Бендер. — А мы здесь. И у нас к вам дело. Важное.

Корейко помолчал, потом неохотно распахнул дверь:

— Пять минут. У меня работа.

Бендер не стал ходить вокруг да около. Он сел за стол, положил перед собой блокнот и начал:

— Александр Иванович, давайте начистоту. Вы копите. Уже сколько лет? Десять? Пятнадцать? И всё ждёте. Чего? Что вернётся старый режим? Что вам вернут титулы и имения?

Корейко сжал губы:

— Я не понимаю, о чём вы.
— О том, что вы живёте в прошлом, — Остап наклонился вперёд. — А мир идёт вперёд. И вы, со всеми вашими миллионами, застряли на станции «Вчера». Вы умрёте — и что останется? Ваш капитал уйдёт государству. Вам — ни славы, ни радости, ни даже удовольствия потратить хоть копейку.

Балаганов, сидевший в углу, невольно кивнул. Даже ему стало немного жаль этого человека.

— Вы предлагаете… растратить? — холодно спросил Корейко.
— Нет, — мягко сказал Бендер. — Я предлагаю инвестировать. В будущее. В наше будущее.

Следующие два часа Бендер разворачивал перед Корейко панораму возможностей. Он говорил не спеша, с уверенностью человека, который видел всё — и знает, как это устроено.

— Рио-де-Жанейро, — начинал он, и в голосе звучала почти поэтическая нота. — Город, где деньги не спрашивают, откуда они пришли, а лишь — сколько их. Там можно жить, не прячась, не считая каждую копейку и не вздрагивая от стука в дверь.

Он рисовал картины: оффшорные схемы (о которых знал лишь понаслышке, но излагал с уверенностью профессора); анонимные счета в банках, где даже сам директор не знает имён владельцев; и жизнь — настоящая, с яхтами, казино и закатами над океаном.

— Вы можете стать не просто богачом, — говорил Бендер, — а легендой. Но для этого нужно сделать шаг. Один единственный шаг.

Корейко молчал. Его пальцы нервно перебирали край скатерти. В глазах — смесь страха и азарта, как у игрока, который держит в руках карты, способные изменить всё.

— А если… если это ловушка? — наконец прошептал он.
— Ловушка? — Остап рассмеялся. — Ловушка — это ваша нынешняя жизнь. Вы сами себя заперли. Мы же предлагаем ключ.

На закате, когда тени в комнате стали длинными, а воздух — тягучим, Корейко встал, подошёл к шкафу, достал потрёпанную папку и положил её на стол.

— Здесь… всё, — произнёс он глухо. — Все счета, все коды, все контакты. Но… я хочу гарантий.
— Гарантий? — Бендер вскинул брови. — Гарантии даёт только Бог, Александр Иванович. А мы — возможность. И поверьте, это куда ценнее.

Корейко посмотрел на него долго, будто пытаясь разглядеть душу. Потом кивнул:

— Хорошо. Но… я поеду с вами.

— С нами?! — Балаганов подскочил.

— Конечно, — спокойно сказал Бендер. — Вы — часть команды. Без вас нам не справиться.

В ту ночь они составили первый черновик плана. Бендер рисовал стрелки, писал цифры, что-то зачёркивал и снова вписывал. Корейко, поначалу скованный, постепенно оживал — в его глазах загорался азарт, давно забытый азарт игрока.

— Вот, — Остап хлопнул ладонью по бумаге. — Это не грабёж. Это эвакуация капитала. Спасение ценностей от бюрократического потопа.

— А Рио? — тихо спросил Корейко.

— Рио — наш порт приписки, — улыбнулся Бендер. — Город, где мы начнём новую жизнь. Жизнь, которую вы заслуживаете.

Балаганов смотрел на них и думал: «Два безумца. Один — мечтатель, другой — скопидом. И я — между ними. Но, чёрт возьми, это же будет история!»

За окном шумел город, где тысячи людей трудились, копили, боялись и надеялись. А в этой комнате трое мужчин только что подписали негласный договор — с судьбой, с деньгами и друг с другом.

Где-то далеко, за океаном, Рио-де-Жанейро уже готовил им встречу — с пальмами, карнавалом и тем особым солнцем, которое светит только для тех, кто рискнул.

Глава восьмая. Неожиданная встреча

Компаньоны вернулись в Москву и заселились в квартире Остапа, готовясь приступить к составлению детального плана «Путь к свободе». Но «тени прошлого», видимо, никак не хотели отпускать Бендера. И вот в один из дней, одурев от вечерних посиделок на кухне, выпитого вина и сигарного дыма, он вышел на улицу прогуляться и подышать свежим воздухом,

Остап неторопливо шёл по Никитскому бульвару, засунув руки в карманы лёгкого пиджака, поглядывая по сторонам с тем особенным вниманием человека, который умеет замечать детали, способные обернуться выгодой. Май в Москве 1930 года выдался на редкость тёплым и солнечным. Воздух был напоён ароматом цветущих лип и свежескошенной травы, а по чистым после недавней уборки улицам бродили толпы горожан, наслаждавшихся первым настоящим теплом. Солнечные блики играли на стёклах витрин, на полированных кузовах редких автомобилей и на медных ручках дверей солидных учреждений.

Он миновал сквер с фонтаном, где смеялись дети и ворковали влюблённые пары, свернул на улицу, усаженную молодыми клёнами, и вдруг замер. У газетного киоска, в тени раскидистой липы, стоял человек, которого Остап никак не ожидал увидеть в этом солнечном майском мире.

— Киса? — негромко окликнул он.

Ипполит Матвеевич вздрогнул, медленно поднял глаза. На мгновение в его взгляде мелькнул страх, но тут же сменился горькой усмешкой. Он словно пытался собраться с духом перед неизбежным разговором.

— Остап Ибрагимович… — голос Воробьянинова звучал глухо, будто пробивался сквозь толщу лет. — Вот уж не думал, что снова вас встречу. В такой день…

Они молча стояли под сенью дерева, где солнечные пятна танцевали на их лицах, а где-то вдали играл духовой оркестр — то ли в парке, то ли на площади. Мир вокруг жил своей радостной майской жизнью, а для них время будто остановилось.

— Пойдёмте, — кивнул Бендер на кафе с открытыми верандами, где за столиками под полосатыми зонтиками сидели посетители. — Выпьем лимонада. Поговорим.

В кафе было прохладно и уютно. Они сели за столик в уголке, откуда открывался вид на цветущую клумбу и оживлённую улицу. Официант в белой рубашке быстро принял заказ: два лимонада со льдом и порцию миндального печенья.

— Выглядите… иначе, — заметил Остап, внимательно разглядывая бывшего компаньона. — Не то что в те времена, когда мы в Москве искали последний стул.

— Да… уж…, — хмыкнул Киса, разглаживая салфетку. — После этих поисков я год просидел в «психушке». Не самое лучшее времяпровождение, доложу я вам.

— Я тоже не на курорте отдыхал, — ответил Бендер, - а полгода провалялся в Склифе, пока врачи вытаскивали меня с того света. А ведь это вы пытались меня убить.

— Я знаю. — Голос Воробьянинова дрогнул. — И не прошу прощения. Просто… это было безумие. Отчаяние. Жажда богатства, которая сводит с ума. Я видел, как люди теряют рассудок из-за денег, и сам не устоял. А теперь понимаю: всё это — пыль. Важнее то, что здесь и сейчас.

— А теперь? — Остап пристально смотрел на него, пытаясь прочесть в глазах бывшего компаньона следы перемен.

— Теперь я научился ценить мелочи. Утренний кофе. Запах цветущих деревьев. Тишину перед уроком. Даже шум в коридоре — он означает, что жизнь идёт. Я больше не гонюсь за призраками. Я просто живу.

— И никаких поисков сокровищ? — Бендер слегка наклонил голову, изучая реакцию собесед-ника.

— Никаких, — твёрдо ответил Ипполит Матвеевич. — После того как… ну, вы знаете… я по-нял: бриллианты — это проклятие. Они не приносят счастья. Только боль и разочарование. Я тогда был словно одержимый. Словно не я.

- А чем занимаетесь?

- Работаю ночным сторожем – вот парадокс – в том же Доме Культуры Железнодорожников, который построили на мои бриллианты. Там же и живу в подсобке.

Бендер помолчал, помешивая лёд в стакане. Звон кубиков о стекло нарушал тишину между словами.

— Я не держу на вас зла. В конце концов, вы тогда потеряли гораздо больше чем я. А я многое переосмыслил и пришел к выводу… впрочем, не важно.

Он достал из внутреннего кармана пачку купюр и отсчитал несколько.

— Возьмите. Здесь не много, но на первое время хватит. Чтобы не вспоминать о прошлом.

— Не надо, — слабо отмахнулся Ипполит Матвеевич. — Я сам… зарабатываю. Хватает на скромную жизнь.

— Берите, — твёрдо сказал Бендер. — Это не милость. Это… плата за урок. Вы показали мне, до чего может довести жажда наживы. А я покажу, что даже после падения можно встать. Деньги — всего лишь инструмент. Важно, как ты их используешь.

Воробьянинов медленно взял деньги, сжал в ладони. Его пальцы слегка дрожали.

— Спасибо.

Они допили лимонад в молчании. Где-то заиграла гармонь, послышались весёлые голоса — видимо, шли с работы рабочие, затевали шутку. Солнце клонилось к закату, окрашивая фасады домов в золотисто-розовые тона.

— Куда теперь? — спросил Киса, поднимаясь. Его движения были спокойными, будто он наконец нашёл равновесие.

— Вперёд, — улыбнулся Остап. — Всегда вперёд. Мир большой, а я ещё не всё в нём попробовал. Есть ещё много мест, где я не был, много людей, с которыми не познакомился, много дел, которые ждут своего часа.

— Будьте осторожны, — тихо произнёс Воробьянинов. — Не повторите моих ошибок. Не позволяйте жажде наживы поглотить вас.

— Ошибки — это опыт, — пожал плечами Бендер. — Главное — не застревать в них навсегда. Мы все падаем, но важно уметь подниматься. И идти дальше.

Они вышли на улицу. Майский вечер был тёплым и ласковым. В небе плавали розовые облака, а фонари уже начинали разгораться, бросая мягкий свет на мостовую. Ипполит Матвеевич надел шляпу и поправил галстук.

— Прощайте, Остап.
— Прощайте, Ипполит.

Каждый пошёл своей дорогой: один — в сырую тесную подсобку; другой — в неизвестность, где манили новые горизонты и неизведанные возможности. Майский город жил своей жизнью — где-то звенели трамваи, где-то смеялись люди, где-то пели под гитару. Но для этих двоих мир на мгновение остановился, позволив им взглянуть друг другу в глаза и сказать то, что давно следовало сказать.

И когда последние отблески их силуэтов растворились в вечернем свете, город продолжил свой бесконечный танец под аккомпанемент майской симфонии, где каждый звук — от шелеста листвы до далёкого гудка паровоза — складывался в мелодию времени, неумолимо движущегося вперёд.

Глава девятая. Вторая неожиданная встреча

Майский день в Балашихе пылал солнцем. Воздух был напоён ароматом цветущих вишен и свежескошенной травы. Остап Бендер, оставив позади московскую суету, направлялся к дому

подпольного барыги — того самого, кто мог достать любой документ за подходящую цену. Путь лежал через тихий переулок с аккуратными домиками, окружёнными садами.

Дом барыги нашёлся быстро — бревенчатый, с резными наличниками и крытой террасой. Остап поднялся на крыльцо, постучал. Дверь приоткрылась, и на пороге возник коренастый мужчина в вязаной кофте.

— Вам чего? — настороженно спросил он.
— Меня направили… по делу, — многозначительно произнёс Бендер, доставая из кармана сложенную купюру.

Мужчина мельком взглянул на деньги, кивнул и распахнул дверь:

— Проходите. Только быстро.

Внутри дом оказался уютным: пахло деревом, воском и чем-то домашним. Хозяин провёл гостя на террасу, где за круглым столом, накрытым цветастой скатертью, кипел самовар и стояли тарелки с пирогами. Но Остап едва успел переступить порог — его внимание отвлек шум у калитки.

Он обернулся и замер: по дорожке к соседнему дому шли двое — Эрнест Павлович Щукин и его жена Эллочка Людоедка. Бендер невольно улыбнулся: время будто вернуло его в прошлое.

— Товарищ Бендер! — воскликнул Щукин, заметив гостя. — Вот так встреча!
— Хо-хо! — всплеснула руками Эллочка, узнав Остапа. — Приветик, парниша!

Они столкнулись у калитки — трое людей, чьи судьбы когда-то переплелись в безумной гонке за стульями.

— Какими судьбами? — спросил Щукин, поправляя очки. — Вы к нашему соседу?
— По делу, — уклончиво ответил Остап. — А вы как? Всё в порядке?
— В полном, — улыбнулся Эрнест Павлович. — Переехали сюда полгода назад. Мне предложили место на заводе, жильё дали — вот этот дом. Тихо, спокойно. Эллочка садом занимается, я работаю. Всё как у людей.
— Железно! — вставила Эллочка. — Огород: огурцы, помидоры, клубника!
— Да-да, — кивнул Щукин с тёплой улыбкой. — Эллочка у меня — хозяйка. И на природе да на свежем воздухе даже несколько новых слов выучила!

На мгновение повисла пауза. Бендер вспомнил: когда-то этот самый человек стоял голым на лестничной клетке, запертый в собственной квартире, а он, Остап, помог ему выбраться.

— Помните тот случай? — неожиданно спросил он. — Когда вы не могли попасть домой?

Щукин рассмеялся:

— Ещё бы! Вы тогда спасли меня от позора. Я до сих пор благодарен. Если бы не вы…
— Пустое, — отмахнулся Остап. — Просто повезло, что я оказался рядом.
— Заходите к нам! — продолжил Эрнест. — Чай, пироги! Всё есть!

— С удовольствием, — согласился Бендер.

На террасе соседнего дома за тем же круглым столом, что и у барыги (только скатерть была другая — в синих цветах), они расположились втроём. Эллочка ловко разлила чай по фарфоровым чашкам, поставила перед гостями тарелки с румяными пирогами.

— Ого-го? — сказала она, упёршись локтями в стол.
— Это она спрашивает, где ты пропадал и чем занимался? – пояснил муж.
— Живу, — усмехнулся Остап. — Ищу возможности.
— Так вы, Остап Ибрагимович, всё в поисках? Или нашли что-то стоящее?

Бендер пожал плечами:

— Ищу. Иногда кажется, что где-то есть другой путь.
— Есть, — уверенно сказал Щукин. — Мы вот нашли. Не сразу, конечно. Было трудно. Но когда поняли, что счастье — не в гонке за призраками, стало легче.
— Красота! — вставила Эллочка. — Блеск!
— Она права, — улыбнулся Щукин. — Простые радости. Утренний кофе на террасе. Запах свежескошенного сена. Вечер у камина. Это и есть жизнь.
- Но вы же тогда, кажется, разъехались?
- Как разъехались – так и снова съехались! – рассмеялся Щукин. – Не прошло и месяца, как я понял, что жить без нее не могу.
- Мрак! – подтвердила Эллочка. – Натурально!

Бендер слушал, и в душе его что-то шевелилось — не то зависть, не то тоска по тому, чего у него никогда не было. Он отпил чаю, посмотрел на солнце, пробивающееся сквозь листву.

— Вы счастливы? — спросил он прямо.
— Счастливы, — ответил Щукин, переглянувшись с женой. — Не идеально, конечно. Но достаточно, чтобы не жалеть о прошлом. А вы?

Остап задумался.

— Не знаю. Наверное, ещё ищу.

Они проговорили ещё час — о прошлом, о мечтах, о том, как меняется мир. Эллочка то и дело вставляла свои короткие, но меткие реплики («Хо-хо!», «Красота!», «Жуть!»), Щукин рассуждал спокойно, взвешенно, а Бендер слушал, впитывая эту непривычную для него атмосферу домашнего тепла.

Когда солнце начало клониться к закату, Остап поднялся:

— Пора мне. Спасибо за чай, за разговор.
— Заходите ещё, — пригласил Щукин. — В любое время. И пироги берите, на дорожку.
- Жесть! – добавила Эллочка.

Он вышел за калитку, обернулся. На террасе стояли двое — рука об руку и смотрели ему вслед. Бендер махнул рукой, улыбнулся и зашагал к остановке. В пакете приятно пахло малиной и домом.

В Москве, в своей квартире, где его ждали Корейко и Балаганов, он выложил на стол документы, которые всё же успел забрать у барыги, и пакет с пирогами.

— Что это? — удивился Шура.
— Жизнь, — загадочно ответил Остап. — И новый план.

Корейко поднял бровь:

— Вы о чём?
— О том, что пора менять правила. Мы слишком долго бегали. Теперь будем действовать иначе.

Он развернул карту, достал блокнот.

— Вот маршрут. Вот контакты. Вот деньги. Завтра начинаем.

За окном догорал майский закат, а в комнате, освещённой лампой, трое мужчин склонились над столом, обсуждая то, что должно было изменить их судьбы.

Глава десятая. Встреча в «Грибоедове»

Подготовка к отъезду продолжалась. Москва сияла свежестью: на бульварах цвели каштаны, в воздухе пахло молодой листвой и горячим хлебом из булочной на углу. Шура Балаганов, довольный собой, шагал по центру города — он только что оформил заказ на бланки для анкет в типографии неподалёку от Страстной площади. В кармане приятно позвякивали монеты, а в голове крутилась мысль: «Вот бы сейчас чего-нибудь съестного да с видом на московскую суету».

Он свернул в переулок и увидел вывеску — «Ресторан Грибоедов». Место было известное: сюда захаживали литераторы, журналисты, кинематографисты, поэты и театральные деятели. Внутри царил полумрак, пахло жареным мясом и крепким кофе. Шура выбрал столик у окна, заказал борщ и графин Смирновской. Лучше водки в Москве – да и во всём мире – было не сыскать.

Пока он ел и пил, в зал вошёл мужчина лет сорока, с острым взглядом и лёгкой сутулостью. Он огляделся, заметил свободное место за столиком Балаганова и, не спрашивая, присел.

— Простите, — начал он вежливо, — не против, если я тут? Все остальные заняты.
— Да ради бога, — махнул рукой Шура. — Места хватит.

Мужчина улыбнулся и заказал себе нехитрый обед без выпивки. Несколько минут они ели молча, но потом незнакомец вдруг поднял глаза на Балаганова и замер.

— Простите… — медленно произнёс он. — Вы не находите, что мы с вами… похожи?
— В смысле? — не понял Шура.
— У меня в новом романе есть персонаж — поэт Иван Бездомный. И он… ну, очень напоминает вас. Черты лица, манера держаться. Даже взгляд.

Балаганов чуть не подавился борщом.

— Роман? Какой роман?
— «Мастер и Маргарита», — спокойно ответил мужчина. — Меня зовут Михаил Булгаков.

Шура вытаращил глаза.

— Тот самый?
— Ну, не знаю, насколько «самый», — усмехнулся Булгаков, — но да, тот самый.

Они разговорились. Булгаков с интересом расспрашивал Балаганова о его жизни, о том, как он оказался в Москве, чем занимается. Шура, поначалу настороженный, постепенно расслабился, заказал еще один графин водки и закуску, уговорив собеседника поддержать компанию, и даже начал шутить. Писатель смеялся, кивал и делал пометки в блокноте.

— Знаете, — сказал он наконец, — вы мне дали кое-что важное. Образ Бездомного теперь станет живее.
— А что за роман-то? — поинтересовался Шура. — Про что?

Булгаков задумался, подбирая слова.

— Это сложно объяснить коротко. В общем, есть Мастер — писатель, который создал роман о Понтии Пилате. Его преследуют, он теряет всё и попадает в клинику. А его возлюбленная, Маргарита, готова на всё, чтобы спасти его. И тут появляется Воланд — иностранец, который на самом деле… ну, скажем так, не совсем человек. Он устраивает в Москве череду странных событий, и в конце концов Мастер и Маргарита получают покой — не счастье, но хотя бы избавление от страданий.

Балаганов слушал, затаив дыхание.

— Так это… про любовь? Про борьбу? Про справедливость?
— Про всё сразу, — пожал плечами Булгаков. — И про то, что мир не чёрно-белый. Что добро и зло часто ходят рядом. И что даже в самой тёмной ночи может появиться свет.

Шура молчал, переваривая услышанное. Ему вдруг показалось, что эта встреча — не случайность. Что слова Булгакова — как мистический знак: пора что-то менять.

Через некоторое время в ресторан вошли четверо мужчин — Валентин Катаев, Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров. Они поздоровались с Булгаковым, помня его по совместной работе в журнале «Гудок», но не стали напрягать расспросами, видя, что он занят оживленной беседой. Они сели за соседний столик и заказали еду, что-то оживлённо обсуждая и смеясь, но время от времени поглядывая на Балаганова.

— Смотри, — шепнул Катаев Олеше, — этот парень… он мне кого-то напоминает.
— И мне, — кивнул Ильф. — Но не могу вспомнить.

Петров прищурился.

— Может, из «Гудка»? Мы там столько народу перевидали…
— Не, — покачал головой Олеша. — Не из «Гудка». Но мы его точно где-то видели.

Они ещё некоторое время переглядывались, но так и не вспомнили, кто этот незнакомец.

Булгаков допил водку, достал из кармана деньги и расплатился.

— Спасибо за беседу, — сказал он, поднимаясь. — Может, ещё увидимся.
— А вы… будете продолжать роман? — спросил Шура.
— Конечно. Это дело всей моей жизни. Я должен дописать, прежде чем умру.

Балаганов вышел из «Грибоедова» в странном состоянии. Солнце слепило глаза, по улице шли люди, звенели трамваи — всё как обычно. Но ему казалось, что мир стал чуть больше и чуть глубже.

Вечером он вернулся в квартиру Бендера, где его ждали Остап и Корейко.

— Ну что, принёс бланки? — спросил Остап, не отрываясь от карты.
— Бланки? — рассеянно переспросил Шура. — Да, принёс. Но я вам лучше расскажу, с кем я сегодня встретился…

И он подробно пересказал разговор с Булгаковым, не упустив ни одной детали. Когда он закончил, в комнате повисла тишина.

— Значит, «Мастер и Маргарита»… — задумчиво протянул Корейко. — Звучит серьёзно.
— Серьёзно, — кивнул Бендер. — Но знаешь, что самое интересное? Он сказал, что добро и зло ходят рядом. И что СВЕТ может появиться даже в самой тёмной ночи.
— Думаешь, это нам знак? — спросил Шура.
— Думаю, — улыбнулся Остап. — Пора действовать. План готов. Завтра начинаем искать «спецов» для изготовления загранпаспортов.
- Это еще зачем? – удивился простодушный Балаганов. – Мы же едем в Румынию официально?
- Ты выпил слишком много Смирновки с опальным писателем, – опередил ответ Бендера Корейко. – И поэтому плохо соображаешь. Из Румынии мы двинемся дальше через всю Европу – а кто туда выпустит советских «заготовителей»? Командировка у нас – туда и обратно. А чтобы выехать в Европу нужны загранпаспорта на иностранные имена. Лучше – на немецкие. В Румынии нам их никто не сделает, поэтому лучше подготовиться заранее. Понял, прототип Ивана Бездомного?

Но «прототип» его слова уже не слышал, ибо сладко спал на кухонном диванчике, свернувшись калачиком и посапывая, утомленный встречей и обильными возлияниями. И снились ему Мастер, Маргарита и Понтий Пилат, почему-то очень похожий лицом на его тюремного надзирателя по камере.

- Ладно, пусть отдыхает, - усмехнулся Остап, раскуривая третью сигару и накрывая Шуру пледом. - А мы еще покумекаем, как решить нашу проблему. Предчувствую, что это будет не просто. Как думаете, Александр-ибн-Иванович?

Корейко поморщился, ибо воспоминания о приключениях «двух комбинаторов» ему были неприятны, но время поджимало, и проблему действительно надо было решать.

За окном догорал майский закат, а в комнате, освещённой лампой, двое мужчин склонились над столом, обсуждая то, что должно было изменить их судьбы.

Глава одиннадцатая. Путь в Черноморск

Май подходил к концу, и Москва пылала зноем. В воздухе висел густой запах разогретого асфальта и пыли, а по мостовым с грохотом катили извозчики и редкие автомобили. Бендер и Корейко сидели на кухне долго, перебирая бланки анкет — аккуратные, с чёткими графами, но бесполезные без главного: без тех, кто мог превратить их в настоящие загранпаспорта. И решили, что Александр Иванович опять будет обзванивать всех своих знакомых, пытаясь найти старые связи. На это ушло два дня.

— Всё глухо, — вздохнул Корейко вечером второго дня, наливая себе кружку крепкого чая. — Местные фармазоны ибо стучат, либо сами под колпаком у ОГПУ. Ни один «специалист» не возьмётся без гарантий даже за большую сумму.

— А суммы у нас пока небольшие, — усмехнулся Остап, зевая от постоянного недосыпа. — Значит, ищем дальше.

— Я поднял все связи, — продолжал Корейко. — И нашёл… не здесь. В Черноморске.

— Где-где? В Черноморске? — от неожиданности Бендер даже подпрыгнул в кресле. — Ха! Вот это пердимонокль! Встреча с прошлым? Конгениально! И кто же он?

— Человек, которому можно верить. Бывший типограф, работал ещё при царском режиме. Потом — в подпольных мастерских. Сейчас держит небольшую лавку, но… умеет делать всё.

— Умеет — это хорошо. А захочет?

— Захочет. Я уже с ним связался. Ждёт.

Через два дня они выехали. Поезд, пыхтя и свистя, увозил их на юг — туда, где море встречалось с небом, а улицы пахли солью и рыбой. Вагон был полупустым, и они заняли купе, занавесив окно от солнца.

— Черноморск… — задумчиво произнёс Остап. — Надо же, почти год прошел.… А кажется, что мы с вами только вчера…

— Я всё помню, — перебил Корейко. — Но умоляю – не надо ворошить прошлое.

Они обменялись короткими улыбками, открыли бутылку вина и достали из сумок гору провизии «в дорогу», которой их нагрузил оставшийся «на хозяйстве» Балаганов. В памяти всплывали картины: узкие улочки, шумные базары и кафе с открытыми террасами, где за чашкой кофе можно было услышать самые невероятные истории. И, конечно, порт — место, где пересекались судьбы беглых, контрабандистов и мечтателей.

Черноморск встретил их духотой и криками чаек. На вокзале толпились люди — кто с чемоданами, кто с корзинами, а кто просто ждал поезда. Бендер и Корейко взяли извозчика и поехали в ту же гостиницу «Карлсбад», где Остап снимал номер год назад – по иронии судьбы он оказался свободен, и Бендер не отказал себе в удовольствии снова в него заселиться.

В номере их ждали прохлада и тишина. За окном плескалось море, а где-то вдали гудели пароходы.

— Завтра встреча, — сказал Корейко, раскладывая вещи. — В полдень. У фонтана на площади.

— Хорошо, — кивнул Остап. — А пока… прогуляемся?

Площадь была залита солнцем. Фонтан журчал, разбрасывая брызги, а вокруг сидели торговцы, продававшие фрукты, сувениры и газеты. У края фонтана, в тени раскидистого дерева, стоял мужчина лет пятидесяти — сухощавый, с острым взглядом и аккуратными усами.

— Вы? — спросил он, увидев их.

— Мы, — подтвердил Корейко, протягивая руку. — Спасибо, что согласились.

Мужчина кивнул, огляделся и повёл их в соседний переулок, где в глубине двора пряталась его мастерская. Внутри пахло бумагой, клеем и типографской краской. На стенах висели образцы шрифтов, на столе лежали оттиски.

— Вижу, вы серьёзный человек, — начал Бендер, разглядывая обстановку.

— Серьёзный, — ответил хозяин. — Но и осторожный. Что нужно?

Корейко выложил бланки, анкеты и фотографии и объяснил задачу. Мужчина внимательно выслушал, взял листы, повертел в руках, затем кивнул.

— Можно сделать. Но не быстро. И недёшево.

— Цену мы знаем, — сказал Остап. — Главное — качество.

— Качество гарантирую. Через пять дней. Здесь же.

Они договорились о месте передачи и разошлись.

Остаток дня Бендер и Корейко провели, бродя по Черноморску. Они прошли по набережной, где ветер с моря ерошил волосы и приносил запах водорослей. Заглянули в кафе, где пили холодный лимонад и слушали разговоры моряков.

Потом пошли дальше и свернули в старый квартал, где стояли дома с резными балконами и коваными решётками. Здесь всё дышало историей — каждый камень, каждый переулок. Они остановились у дома, где когда-то снимал комнату Корейко, подмигнули друг другу (никаких воспоминаний!) и пошли по дороге к гостинице.

В номере было прохладно. За окном догорал закат, окрашивая море в розовые и золотые тона. Бендер сел в кресло, вытянул ноги.

— Пять дней, — произнёс он. — Надо чем-то заняться.

— Можем проверить старые контакты, — предложил Корейко. — Вдруг что-то полезное всплывёт.

— Или просто отдохнуть, — улыбнулся Остап. — Черноморск — город, где можно забыть о времени.

Они замолчали, слушая шум прибоя и далёкие гудки пароходов. Где-то внизу смеялись люди, звенела посуда, играла музыка. Город жил своей жизнью, а они были лишь его мимолетными гостями — но именно здесь, в этом месте, их план обретал реальные очертания.

На следующий день они решили пройтись вдоль набережной — охладиться морским бризом.

У прибрежного кафе с открытой террасой, откуда доносился аромат жареной рыбы и кофе, собралась компания из четырёх мужчин. Бендер замер, вгляделся — и не поверил своим глазам.

— Корейко, — тихо сказал он. — Смотри внимательно. Это же они.

Александр Иванович прищурился.

— Не может быть… Полыхаев, Скумбриевич, Берлага и Фунт. Все вместе.

Компания действительно выглядела необычно: Полыхаев в соломенной шляпе и цветастой рубашке размахивал руками, что-то горячо объясняя; Скумбриевич, как всегда, с портфелем под мышкой, кивал; Берлага, в очках и с задумчивым видом, попивал лимонад; а рядом с ними — маленький, седой Фунт, который, казалось, дремал, но при этом всё замечал.

— Пойдём поздороваемся? — предложил Остап. — Всё равно они нас узнают.

Корейко пожал плечами:

— Почему бы и нет.

Подойдя ближе, Бендер громко произнёс:

— Господа, какая встреча!

Бывшие «Геркулесовцы» сразу замолчали и застыли в нелепых позах как в Гоголевском «Ревизоре», только Фунт приоткрыл один глаз и снова задремал.

— Спокойно, без паники, — Корейко поднял руки ладонями вверх. — Прошлые дела остались в прошлом, и мы здесь оказались совершенно случайно.

Первым пришел в себя Полыхаев:

— Ну раз такое дело - присаживайтесь. А мы как раз тут с коллегами обсуждаем… перспективы.
— Перспективы — это хорошо, — кивнул Остап. — А что за перспективы?

Берлага, поправив очки, пояснил:

— Мы организовали кооператив. «Морские дары Черноморска». Поставляем рыбу в столовые, делаем консервы. Всё официально, с печатью и бухгалтерией.
— И с прибылью? — уточнил Корейко.

— С прибылью, — подтвердил Фунт, неожиданно открыв глаза. — Но не такой, как раньше. Теперь всё по правилам.

Скумбриевич махнул рукой:

— Да, времена изменились. Теперь мы — законопослушные граждане. Никаких «Рогов и копыт», никаких сомнительных схем. Работаем честно.

— Честность — это новая мода, — улыбнулся Бендер. — И как, приносит доход?

— Приносит, — вздохнул Берлага. — Не миллионы, конечно, но на жизнь хватает. И самое главное — спокойно спишь.

Они заказали ещё вина и закуски, и все сели за стол. Разговор пошёл свободнее.

- А что с «Геркулесом»? – спросил Корейко у Полыхаева.

- После визита Остапа Ибрагимовича я оттуда сбежал как ошпаренный! – ответил бывший директор. – И очень вовремя, ибо на следующий день туда нагрянула ревизия. И нашли столько нарушений, что «Геркулес» приказал долго жить. Мы все от суда еле отмазались. А Фунта через два месяца выпустили.

- Понятно, - кивнул Остап.

— А вы что в Черноморске? — спросил Берлага. — Отдыхаете?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Корейко.

— Ждём кое-чего, — добавил Остап. — И надеемся, что всё сложится.

Фунт внимательно посмотрел на них:

— Вижу, вы тоже не просто так загораете. Но я вам вот что скажу: осторожность — мать мудрости. Особенно сейчас.

— Золотые слова, — кивнул Полыхаев. — Мы теперь всё проверяем трижды. И документы, и людей.

Они посидели ещё час — вспоминали старые времена, но без ностальгии, скорее с лёгкой иронией. Полыхаев даже предложил помощь:

— Если что нужно — обращайтесь. У нас тут связи, знакомства. Но только в рамках закона!

— Спасибо, — улыбнулся Остап. — Пока обойдёмся. Но учту.

Прощались тепло.

— Удачи вам, — сказал Фунт, пожимая руку Бендеру. — И пусть всё сложится.

— Взаимно, — ответил Остап.

Бендер и Корейко продолжали отдыхать на пляже, купаться и гулять по набережной. Они старались вести себя как обычные курортники: завтракали в кафе, покупали фрукты у торговцев и слушали уличных музыкантов. Но в глубине души оба понимали: время работает против них.

На третий день, ближе к вечеру, в гостиницу пришёл человек — тот самый спец из мастерской. Он молча передал пакет, получил деньги и ушёл. Внутри лежали три загранпаспорта на немецкие фамилии, аккуратно заполненные и заверенные.

Остап открыл один, внимательно изучил:

— Ну что, Александр Иванович, похоже, мы готовы.
— Наконец-то, — выдохнул Корейко. — Пора двигаться дальше.

Они переглянулись. Впереди их ждал новый этап — отъезд из страны. Но сейчас, в этот момент, они просто наслаждались ощущением завершённого дела. За окном шумело море, а в воздухе пахло свободой.

Глава тринадцатая. Нежная и удивительная

Последний вечер в Черноморске выдался тихим и тёплым. Небо окрасилось в лиловые и розовые тона, море дышало ровными волнами, а набережная наполнилась гуляющими людьми — семьями с детьми, влюблёнными парами и шумными компаниями отдыхающих. Бендер шёл вдоль парапета, засунув руки в карманы, и вслушивался в плеск воды, в голоса и в далёкие гудки пароходов. Завтра — отъезд, новый этап и неизвестность. Он глубоко вдохнул солёный воздух, пытаясь запомнить этот момент, этот город и это ощущение перемен.

У кафе с открытой террасой, где на столиках горели свечи в стеклянных фонарях, Остап остановился. Заказал кофе и сел у перил, глядя на море. Официант быстро принёс чашку, поставил блюдце с миндальным печеньем. Бендер отхлебнул, закрыл глаза на мгновение — и вдруг услышал знакомый голос:

— Остап?

Он обернулся. У столика стояла Зося Синицкая — всё такая же стройная, с лёгкой улыбкой и взглядом, в котором смешались удивление и что-то ещё, неуловимое.

— Зося? — Бендер поднялся. — Вот так встреча!
— Можно присесть? — спросила она.
— Конечно.

Зося села напротив, сняла лёгкую шляпку, поправила волосы.

— Ты изменился, — сказала она после паузы.
— Все меняются, — улыбнулся Остап. — А ты? Как жизнь?
— Разведена, — просто ответила Зося. — С Фемиди не сложилось. Он оказался… не тем, кем я его представляла.

Бендер кивнул, не зная, что сказать. Молчание вышло недолгим.

— Знаешь, — продолжила Зося, глядя ему в глаза, — я давно простила тебя за то, что ты тогда ушёл. Не сразу, конечно. Сначала злилась, потом грустила, а потом поняла: ты просто был не готов. Или не хотел того, чего хотела я.

Остап помолчал, подбирая слова.

— Я и сейчас не готов, Зося. Не к этому. У меня другая цель, другой путь. И он не оставляет места для… для чего-то постоянного.

Она улыбнулась — грустно и понимающе.

— Понимаю. Ты всегда был таким — стремительным, неуловимым. Всегда куда-то бежал.
— Бежал, — согласился Бендер. — Но теперь я не бегу. Я иду. К чему-то большему.

Они заказали ужин — жареную кефаль, салат из овощей, сыр с плесенью, креветки и белое вино. Разговор пошёл легче: Остап нафантазировал целую историю о том, как он прожил этот год – не рассказывать же наивной девочке о Корейко и потерянном миллионе? – а она рассказывала о себе, об учебе, о муже и о разводе.

— А ты? — спросила она наконец. — Куда теперь?
— Вперёд, — улыбнулся Остап. — Всегда вперёд. Есть дела, которые нужно закончить. Люди, которых нужно найти. Возможности, которые нельзя упустить.

Зося кивнула, отпила вина.

— Значит, ты всё ещё ищешь?
— Ищу. Но уже не то, что раньше. Теперь я знаю, чего хочу.

Вечер сгущался. На набережной зажглись фонари, музыка из соседнего кафе стала громче, а море, казалось, приблизилось к самому берегу. Они допили вино, и Остап расплатился.

— Пора мне, — сказал Бендер, поднимаясь.
— Уже? — в голосе Зоси прозвучала лёгкая грусть.
— Да. Завтра рано вставать.

Они вышли на набережную. Ветер играл её волосами, а в глазах отражались огни города.

— Прощай, Зося, — тихо произнёс Остап.
— Прощай, Остап, — ответила она. — Будь счастлив.

Он взял её руку, слегка сжал, затем отпустил. Развернулся и пошёл вдоль набережной — к гостинице, к новому дню и к новой жизни. Зося стояла, глядя ему вслед, пока его фигура не растворилась в сумерках.

Утром Бендер и Корейко выехали в Москву. В поезде они почти не разговаривали — каждый думал о своём. Остап смотрел в окно на мелькающие пейзажи, на поля, леса, деревни, и в голове его крутились слова Зоси: «Будь счастлив». Он улыбнулся про себя. Счастье? Возможно, оно где-то впереди. А пока — дело.

В Москве их ждал Балаганов. Он встретил их на квартире с озабоченным лицом.

— Ну что? — спросил он.

— Всё готово, — ответил Бендер, похлопав его по плечу. — Паспорта на руках. План — в голове. Пора действовать.

Корейко достал из портфеля пакет, развернул — внутри лежали три загранпаспорта на немецкие фамилии. Балаганов взял один, внимательно изучил и удивленно поднял глаза.

— Значит, я теперь – Ганс Шмидт? Это что, напоминание о том, что я когда-то «работал сыном лейтенанта Шмидта»?

— Ирония судьбы, — подтвердил Остап. — Мы не могли сами выбирать новые имена и фамилии и пришлось довольствоваться теми, что нам подсуропил Черноморский специалист. Будешь теперь Шмидтом до прибытия в Америку – а уж там мы поменяем паспорта на английские и более благозвучные фамилии.

— Это что, — хмыкнул Корейко. — А я теперь не Корейко, а Генрих Шпек.

— Ну и что? — удивился Шура, не искушенный в немецком языке.

— А то, — пояснил Остап, — что «Speck» на немецком – это корейка, ветчина или шпик.

Балаганов шмякнулся на ковер и зашелся в гомерическом хохоте. Пока он приходил в себя, компаньоны успели умыться с дороги и сесть за стол, на котором их уже ждал приготовленный Шурой ужин и бочонок Трёхгорного пива.

— Ну а вы, Командор? — спросил он, отсмеявшись и вытирая слезы. — Почему вы – Герман Шульц?

— Дело в том, — ответил Остап, разливая пиво по кру́жкам, — что в молодости я иногда «зарабатывал» тем, что разъезжал по разным городам нашей Родины и показывал фокусы, представляясь еще не жрецом-факиром, а голодающим Поволжским немцем по фамилии Шульц.

Тут уж оба компаньона поперхнулись пивом и рассмеялись. Но Бендер не обиделся и сам заулыбался.

— Но самое интересное, — добавил он, — это то, что мы теперь все начинаемся на «Г и Ша».

— Так выпьем же за «Союз трёх ГоШей»! — сымпровизировал Балаганов. — И за успех нашего мероприятия!

За окном сгущались сумерки, а в комнате, освещённой лампой, трое мужчин склонились над столом, обсуждая последние детали. Впереди их ждал отъезд — шаг в неизвестность, но теперь они были к нему готовы.

Глава тринадцатая. Визит участкового

Следующее утро в Москве выдалось пасмурным — небо затянуло тучами, а по стёклам барабанил мелкий дождь. Бендер, Корейко и Балаганов сидели в квартире, разбирая последние детали плана отъезда. И тут в дверь громко постучали.

— Кто это ещё? — нахмурился Корейко.

— Может, почта? — предположил Балаганов.

— В девять утра? — скептически поднял бровь Бендер. — И стучат так, будто пришли арестовывать.

Стук повторился — теперь ещё громче. Остап вздохнул и пошёл открывать. На пороге стоял крепкий мужчина в форме — участковый, с серьёзным лицом и блокнотом в руках. За его спиной маячил сосед с третьего этажа — тот самый, что вечно жаловался на шум.

— Здравствуйте, — строго произнёс участковый. — Уполномоченный участка капитан Швондер. Проверим документы.

Бендер окинул его взглядом, улыбнулся и широко распахнул дверь:

— Проходите, проходите! Мы как раз чай пьём. Шура, поставь ещё чашку!

Участковый слегка опешил от такого радушия, но вошёл. Следом, не решаясь зайти, топтался сосед.

— Так что же случилось? — Остап жестом пригласил гостя к столу. — Чем обязаны столь высокому визиту?

— Жалобы поступили, — хмуро ответил Швондер. — Соседи сообщают: трое мужчин живут, ведут себя подозрительно. По ночам не шумят, дебошей не устраивают, женщин не водят, на работу не ходят, из квартиры редко выходят…

Балаганов не выдержал и фыркнул в кулак. Корейко кашлянул, пряча улыбку.

— И это, по-вашему, подозрительно? — Бендер изобразил искреннее недоумение. — Товарищ участковый, да это же идеал советского гражданина! Тишина, порядок, никаких нарушений.

— Но и работы нет, — настаивал Швондер. — Чем живёте?

— Творчеством! — торжественно объявил Остап. — Мы художники-авангардисты. Создаём новое искусство. Вот, взгляните!

Он быстро схватил чистый лист бумаги и карандаш и за пару минут набросал абстрактную композицию — круги, линии, зигзаги.

— Это… что? — участковый вгляделся в рисунок.

— «Симфония урбанистического одиночества», — с серьёзным видом пояснил Бендер. — Сейчас в тренде. Вот Александр Иванович пишет теоретические труды о природе цвета, а Шура занимается инсталляциями из бытовых предметов. Вчера, например, он создал шедевр из веника, кастрюли и старого зонта. Правда, Шура?

Балаганов, едва сдерживая смех, кивнул:

— Да-да! Называется «Ода забытым вещам».

Корейко, решив поддержать игру, достал из ящика толстую тетрадь и начал листать:

— Вот мои исследования. «К вопросу о влиянии оттенков серого на эмоциональное состояние городского жителя». Очень актуальная тема.

Участковый переводил взгляд с одного на другого, явно не зная, что думать. Сосед за его спиной начал нервно переминаться с ноги на ногу.

— А документы? — наконец спросил Иванов.

— Конечно-конечно! — Бендер быстро разложил перед ним три советских паспорта. — Вот мои, вот Александра Ивановича, вот Шуры. Всё в порядке, всё законно.

Иванов внимательно изучил бумаги, сверил фотографии. Паспорта выглядели безупречно — ни к чему не придерёшься.

— Ну… — он захлопнул блокнот. — Раз всё в порядке, тогда…

— Тогда оставайтесь на обед! — радостно предложил Остап. — У нас сегодня котлеты с гречкой. Пообщаемся о жизни, о творчестве…

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался участковый. — Я, пожалуй, пойду. Но чтобы без нарушений!

— Ни в коем случае! — заверил Бендер. — Тишина, покой, созидание. Как и положено советским гражданам.

Когда дверь за гостем и его провожатым закрылась, все трое расхохотались.

— Ну вы даёте, Командор! — вытер слёзы Шура. — «Симфония одиночества»…

— А ты неплохо сыграл роль гениального инсталлятора, — подмигнул ему Бендер. — Главное, что паспорта прошли проверку.

Корейко аккуратно убрал документы в портфель:

— Теперь можно действовать дальше. Скоро выезжаем.

Остап подошёл к окну. Дождь начал стихать, а сквозь тучи пробивались первые лучи солнца.

— Да, — задумчиво произнёс он. — Пора. Москва остаётся позади. Впереди — новый этап.

Глава четырнадцатая. Валютный лабиринт: путь к свободе

Кухня в съёмной квартире Бендера снова стала штабом. На столе — карты Европы, блокноты с колонками цифр, чернильные пятна и три чашки остывшего чая. За окном моросил майский дождь, но в комнате царила атмосфера напряжённого расчёта.

Расчёт: сколько стоят девять миллионов рублей.

Бендер достал из кармана карандаш, лист бумаги и начал считать:

— Курс «черной биржи» — один к пяти. Значит, за 50 рублей — один доллар. За девять миллионов… — он быстро чертил цифры. — Получается 180 тысяч долларов.

Корейко, привыкший к точности, тут же уточнил:

— Это брутто. Но ведь будут комиссии, риски и потери на обмене.
— Конечно, — кивнул Остап. — Скажем, в итоге — 160 –170 тысяч. Но даже это — сумма, с которой можно начать новую жизнь.

Балаганов почесал затылок:

— И как мы их получим?
— Постепенно, — ответил Бендер. — По чуть-чуть. Через менял. Через тайные встречи. Через осторожность.

Балаганов получил список адресов — подпольных менял, работавших в Москве. Каждый контакт требовал проверки. Первый исчез, едва услышав слово «доллары». Второй потребовал залог в виде золотых украшений. Третий оказался стукачем: Шуру едва не схватили на выходе из бани.

На пятый день он нашёл Илью «Флейту» — человека с бегающими глазами и золотыми зубами. Тот сидел в задней комнате пивной на Таганке, окружённый пустыми бутылками и окурками.

— Тысяча рублей? — хмыкнул Флейта. — Могу дать двадцать долларов. Но только если принесёшь ещё десять тысяч. Тогда — курс лучше.

Шура кивнул, хотя внутри всё сжалось: «Двадцать долларов за тысячу… Это же грабительский курс!» Но он знал: это первый реальный шаг.

— Договорились, — сказал он. — Через два дня.

В течение следующих двух недель Балаганов встречался с Флейтой и ещё двумя проверенными менялами. Каждый раз он приносил по 20 000–30 000 рублей, получая взамен доллары. Постепенно в чемодане с двойным дном накапливалась валюта.

— Ещё три обмена, — шептал Шура, пересчитывая пачки. — И мы у цели.

Флейта, видя, что клиент серьёзен, начал предлагать «специальные условия»:

— Если возьмёте сразу сто тысяч — дам 1 900 долларов. А не 1 800.

Бендер, узнав об этом, усмехнулся:

— Он уже в игре. Теперь мы можем диктовать правила.

Когда в чемодане скопилось 170 тысяч долларов, Бендер связался с Григорием «Графом» — человеком, который, по слухам, имел выходы на швейцарские банки.

Встреча прошла в вагоне поезда, идущего в Ленинград. Граф, мужчина с седыми усами и холодными глазами, осмотрел валюту, кивнул:

— Качество денег… приемлемое. Но для перевода в Цюрих нужно больше. И гарантии.
— Гарантии — это я, — спокойно сказал Остап. — А деньги… вот они. 170 тысяч. Ваши десять процентов.

Граф задумался, потом протянул руку:

— Договорились. Но перевод займёт две недели. И потребует ещё 500 долларов на «расходы».

Через 14 дней Бендер получил подтверждение: деньги переведены на анонимный счёт в швейцарском банке. Остаток – две тысячи – они решили использовать на оформление документов, на выезд и на взятки.

Пока шла конвертация, Бендер и Корейко разрабатывали маршрут.

— Бухарест — это лишь первый этап, — объяснял Остап, водя пальцем по карте Европы. — Оттуда — через европейские страны в Португалию. В Лиссабоне — корабль до Нью-Йорка.

Корейко достал папку с бумагами:

— У меня есть связи в паспортном столе. Можно оформить «командировку» в Румынию. Для троих.
— Отлично, — кивнул Бендер. — Но нужны не только паспорта. Нужны легенды: кто мы, зачем едем и откуда средства.

Они придумали историю. Бендер — инженер, командированный на завод в Бухаресте для закупки оборудования. Корейко — его бухгалтер, отвечающий за финансы. Балаганов — водитель, сопровождающий груз.

Документы делали в три этапа: поддельные справки с «места работы» (за 200 рублей у знакомого клерка); официальные отметки в паспортах (через связного в ОГПУ, за 500 рублей); билеты на поезд Москва — Бухарест (куплены на подставное лицо).

За день до отъезда троица собралась на кухне. На столе лежали три загранпаспорта с визами в Румынию, билеты на поезд и копии документов о переводе долларов в швейцарский банк.

— Итак, — подытожил Бендер, — завтра мы едем в Бухарест. Официально. С бумагами, печатями и правом на въезд. Оттуда — через Европу. В Лиссабоне нас ждёт корабль в Америку. Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Командовать парадом буду я!

Балаганов вдруг рассмеялся:

— Мы это сделали. Мы — не жулики. Мы — стратеги.

И они выпили по стопке «Смирновской» за стратегию и новую жизнь.

За окном шумел дождь, но в комнате пахло не сыростью, а предвкушением. Впереди — граница, поезд и города, где их ждали не проблемы, а возможности.

Часть вторая. Новые возможности»

Глава первая. Бухарест: игра на выживание

Поезд мягко затормозил у перрона бухарестского вокзала. Над городом висел густой туман, размывая очертания зданий и фонарей. Бендер первым вышел из вагона, вдохнул влажный воздух и произнёс:

— Ну вот мы и в Румынии. Теперь главное — не спешить.

В скромной гостинице на окраине города троица собралась за столом. На нём — бутылка местного вина, хлеб, сыр и несколько яблок. За окном — шум улиц, внутри — напряжённая тишина.

— Итак, — начал Бендер, разливая вино по стаканам. — Командировочные — 800 леев. Билеты до Софии — минимум 600. Остаётся 200. А нам нужно: жильё, еда, транспорт и взятки, если потребуется. И ещё — способ заработать.

Балаганов вздохнул:

— И как мы это сделаем? У нас нет ни товаров, ни связей, ни…
— У нас есть мозги, — перебил Остап. — И время. Пока мы «закупаем оборудование», можем осмотреться. Найти лазейку.

Корейко, разглядывая карту Европы на стене, уточнил:

— А счёт в швейцарском банке? Мы ведь перевели туда все деньги.
— Перевели, — кивнул Бендер. — Но обналичить их здесь — проблема. Банки требуют документов, справок и времени. А у нас его нет. Значит, нужно найти другой путь.

Утром троица отправилась на поиски «партнёров». Бендер, в отутюженном костюме и с портфелем, изображал инженера из Москвы. Корейко — бухгалтера, внимательно записывающего цифры. А Балаганов — помощника, который носит образцы и ведёт переговоры.

Они обошли несколько мастерских, фабрик, даже кузницу. Остап увлечённо расспрашивал о станках, делал заметки, просил показать чертежи. В одной из мастерских хозяин, пожилой румын по фамилии Думитреску, заинтересовался:

— Вы действительно хотите закупить наши насосы? – спросил он с легким акцентом.
— Конечно, — улыбнулся Бендер. — Но сначала — переговоры. Нужно согласовать условия с Москвой.
— Когда подпишем контракт?
— Через две недели. — Остап достал блокнот. — За это время мы осмотрим другие предприятия. Но вы — наш главный кандидат.

Думитреску кивнул, но в глазах читалось сомнение.

За ужином в маленьком ресторане у реки Дымбовицы разговор свернул к прошлому.

— Помните, как мы в Черноморске пытались организовать концессию на снятие магазинных вывесок? — вдруг спросил Балаганов. — Тогда всё казалось проще.

— Проще, потому что ставки были ниже, — усмехнулся Бендер. — А теперь у нас — 170 тысяч долларов в швейцарском банке. И ни гроша в кармане.

— И как мы их получим? — вздохнул Корейко. — В Бухаресте нет надёжных банков. Да и в Софии — тоже.

— Значит, будем искать, — спокойно сказал Остап. — Есть способы. Например, векселя. Или чеки. Но для этого нужны связи.

Шура покрутил стакан в руках:

— Связи… А где их взять?

— В казино, — ответил Бендер. — Там собираются люди, у которых есть деньги и… слабости.

На следующий день Остап отправился в самое известное казино Бухареста — «Корона». Он наблюдал за игроками, запоминал лица, прислушивался к разговорам. В зале — дым, звон бокалов и шёпот ставок.

Он заметил троих. Господин в сером костюме — играет осторожно, ставит небольшие суммы, но выигрывает чаще других. Молодая женщина с перстнем — ставит крупно, нервничает, но не уходит. Толстяк с золотыми часами — смеётся, проигрывает и снова ставит.

Бендер сел за стол, где играл толстяк. Поставил десять леев — проиграл. Ещё десять — выиграл. Постепенно он втянулся в игру, но не забывал наблюдать. Через два часа он вернулся в гостиницу.

— Есть вариант, — сказал он, выкладывая на стол пятьдесят леев. — Толстяк — богатый купец. Он любит риск, но не умеет считать. Если сыграть с ним в частном порядке…

— Вы хотите его обыграть? — ужаснулся Корейко.

— Не обыграть. Выиграть честно. — Остап улыбнулся. — У меня есть система. Но нужен начальный капитал — хотя бы двести леев.

Встреча с Думитреску прошла гладко. Он показал новые модели насосов, ответил на вопросы и даже согласился сфотографироваться с «инженерами».

— Когда вы отправите запрос в Москву? — спросил он.

— Завтра, — кивнул Бендер. — Нужно оформить бумаги.

Но вечером, в гостинице, Корейко заметил:

— Он не верит. Смотрит так, будто ждёт подвоха.

— Конечно, не верит, — согласился Остап. — Но пока он думает, что мы — просто странные русские, он будет ждать. А мы — зарабатывать.

К концу недели деньги снова таяли. Командировочные почти закончились, а казино не принесло крупного выигрыша.

— Что дальше? — спросил Балаганов, глядя на пустую тарелку.

— Дальше — риск, — сказал Бендер. — В Бухаресте есть подпольный клуб. Там играют по-крупному. Но это опасно.

— Опаснее, чем сейчас? — усмехнулся Корейко. — Мы застряли в чужой стране без денег и перспектив.

— Тогда решим так: завтра я иду в клуб. Ставлю всё, что осталось. Если выиграю — у нас будет капитал. Если проиграю… — он помолчал. — Значит, придумаем что-то ещё.

Шура вздохнул:

— Опять авантюра…

— Не авантюра, — возразил Бендер. — Это — стратегия. Мы не можем ждать. Нам нужно двигаться вперёд.

За окном шумел Бухарест, а в номере гостиницы трое мужчин смотрели на карту Европы — на пунктирные линии маршрутов, на города, где их ждали не только опасности, но и шанс на новую жизнь.

Глава вторая. Бухарест: между риском и надеждой

Утро в Бухаресте выдалось серым и промозглым. Туман стелился над улицами, размывая очертания домов и фонарей. В номере гостиницы «Карпаты» царила напряжённая тишина. На столе — остатки вчерашнего ужина, три стакана и потрёпанный блокнот Бендера, испещрённый расчётами.

Подпольный клуб располагался в подвале старого дома на окраине Бухареста. Вход — через неприметную дверь, охрана — двое молчаливых мужчин в костюмах. Внутри — тусклый свет, запах табака и пота и гул голосов.

Бендер подошёл к крупье:

— Хочу сыграть.

— Минимальная ставка — пятьдесят леев, — ответил тот.

Остап выложил последние деньги.

Игра шла тяжело. Сначала — проигрыш. Потом — небольшой выигрыш. Потом — снова проигрыш. В зале становилось душно, сердце билось чаще. В какой-то момент Бендер заметил, что за ним наблюдают. Двое мужчин в тёмных пиджаках перешёптывались, поглядывая в его сторону.

— Кто это? — тихо спросил он у соседа.

— Люди графа Драгоша, — прошептал тот. — Он владеет этим клубом. Если вы проиграете всё — они предложат «помощь».

Остап усмехнулся:

— Помощь?
— Деньги. Но с процентами. И условиями.

Когда Бендер остался с последними десятью леями, к нему подошёл один из людей Драгоша.

— Господин заинтересован в вас, — сказал он. — Он предлагает пятьсот леев. Но с условием.
— Каким? — спросил Остап.
— Вы будете работать на него. Выполнять поручения. За это — деньги. И защита.

Бендер задумался. С одной стороны — это ловушка. С другой — шанс получить средства и время.

— Я согласен, — наконец сказал он. — Но мне нужно время. Чтобы завершить дела.
— Неделя, — ответил мужчина. — Потом — встреча с господином Драгошем.

В гостинице троица собралась за столом.

— Это опасно, — сказал Корейко. — Люди Драгоша — бандиты. Сам Драгош – никакой не румын, а русский эмигрант, которого разыскивает Интерпол. Это – мафия.
— Но у нас нет выбора, — ответил Бендер. — Нам нужны деньги. И время. Пока мы будем «работать» на него, мы сможем получить средства на билеты, найти способ обналичить деньги со счёта и подготовить побег.

Балаганов покачал головой:

— Вы уверены, что это сработает?
— Нет, — честно ответил Остап. — Но это лучше, чем сидеть и ждать, пока нас поймают.

За окном шумел Бухарест, а в номере гостиницы трое мужчин смотрели на карту Европы — на пунктирные линии маршрутов, на города, где их ждали не только опасности, но и шанс на новую жизнь.

Глава третья. Игра на грани: сделка с Драгошем

Утро в Бухаресте выдалось душным. В номере гостиницы «Карпаты» пахло остывшим кофе и тревожным ожиданием. На столе — раскрытый блокнот Бендера, исчёрканный расчётами, три стакана и наполовину пустая бутылка минеральной воды.

— Итак, — начал Остап, захлопывая блокнот. — Через два дня встреча с Драгошем. Нам нужно решить: идём на сделку или ищем другой путь.

Балаганов нервно провёл рукой по волосам:

— Другой путь? Какой? У нас ни денег, ни связей, ни…
— Есть мозги, — перебил Бендер. — И время — пока Думитреску ждёт «запроса из Москвы». Но время тает. Значит, надо действовать.

Корейко, разглядывая карту Европы, уточнил:

— А если попытаться связаться с банком в Цюрихе? Объяснить, что нам нужна небольшая сумма…

— Объяснить? — усмехнулся Остап. — Кому? Человеку, который видит перед собой троих подозрительных иностранцев с сомнительными документами? Нас либо пошлют подальше, либо… — он помолчал, — либо сообщат куда следует. Нет, это не вариант.

Троица разделила задачи. Бендер продумывал аргументы для встречи с Драгошем, составлял список «услуг», которые мог предложить, взвешивал риски. Корейко изучал местные законы, искал лазейки, проверял, можно ли легализовать хотя бы часть средств через подставные фирмы. А Балаганов обходил рынки и лавки, пытаясь найти способ заработать хоть немного наличными: предлагал услуги переводчика, посредничества, даже мелкой торговли.

К вечеру Шура вернулся с пустыми руками.

— Всё бесполезно, — сказал он, опускаясь на стул. — Никто не доверяет незнакомцам. А те, кто доверяет, платят гроши.

— Гроши — это тоже деньги, — заметил Остап. — Но нам нужно больше. Завтра — встреча с Драгошем. И мы должны быть готовы.

Подпольный клуб встретил их тем же тусклым светом, запахом табака и пота, гулом голосов. У входа — те же двое молчаливых мужчин. Один из них кивнул:

— Господин ждёт.

Драгош сидел в отдельном кабинете, за массивным столом из тёмного дерева. Перед ним — бокал с янтарной жидкостью, ваза с фруктами и пепельница с дымящейся сигарой. Он поднял глаза и медленно осмотрел троицу.

— Итак, — произнёс он низким, размеренным голосом на чистейшем русском языке. — Вы согласны работать на меня. Что вы можете предложить?

Бендер шагнул вперёд:

— Мы — специалисты по решению сложных задач. Можем найти людей, провести переговоры, организовать поставки. Всё — тихо, быстро и без следов.

Драгош усмехнулся:

— «Без следов»? В Бухаресте? Здесь всё оставляет следы. Но мне нужны люди, которые умеют их заметать.

Он достал из ящика стола лист бумаги и положил перед Остапом:

— Вот список задач. Если справитесь — получите деньги. И защиту. Если нет… — он затянулся сигарой, выпустил дым. — Тогда вы станете проблемой. А проблемы я решаю быстро.

Бендер пробежал глазами список: найти поставщика контрабандных сигарет из Болгарии; организовать встречу с представителем венгерской мафии и перевезти пакет через границу — без досмотра.

— Это… опасно, — пробормотал Корейко.
— Конечно, опасно, — кивнул Драгош. — Но если вы боитесь, то можете уйти. Сейчас.

Остап положил лист на стол:

— Мы согласны. Но нам нужны деньги. На расходы. И гарантии.

Драгош рассмеялся:

— Гарантии? Вы их получите. Когда докажете свою полезность. А деньги… — он достал из ящика пачку леев, бросил на стол. — Этого хватит на начало. Дальше — по результатам.

Троица вышла из клуба в сумрак бухарестских улиц.

— Ну что, — сказал Балаганов, сжимая в руке пачку леев. — Мы теперь — бандиты?
— Не бандиты, — возразил Бендер. — Контрагенты. Временные. Пока это даёт нам время и деньги.

Они разделили задачи. Остап отправился на поиски поставщика сигарет. Он знал, что на окраинах города есть склады, где хранят контрабанду. Корейко начал искать контакты венгерской мафии. В Бухаресте у них были свои люди, но их нужно было найти. А Балаганов взялся за организацию перевозки. Он понимал: без надёжного водителя и проверенной машины — провал неизбежен.

К вечеру Бендер вернулся с новостями:

— Поставщик найден. Но он требует предоплату. И гарантии, что товар не конфискуют.

Корейко покачал головой:

— Венгры… Они не доверяют незнакомцам. Нужны рекомендации. Или деньги.

Шура вздохнул:

— Машина есть. Но водитель просит двойную плату — боится, что его поймают.

Остап сел за стол, разложил деньги:

— Значит, делим. Часть — поставщику. Часть — водителю. Остальное — на «непредвиденные расходы». И начинаем.

На следующий день троица столкнулась с первыми трудностями: поставщик отказался принимать деньги без «поручителя»; венгры не отвечали на звонки — видимо, проверяли, кто их ищет; а водитель исчез, оставив записку: «Извините, но я не хочу в тюрьму».

В номере гостиницы царила гнетущая тишина.

— Всё, — сказал Шура, опуская голову. — Мы проиграли.
— Не проиграли, — возразил Остап. — Мы только начали.

Он достал блокнот и начал чертить схемы:

— У нас есть деньги. Есть время. Есть… идеи. Давайте думать.

Корейко поднял глаза:

— Что вы предлагаете?
— Переиграть правила. — Бендер улыбнулся. — Мы не будем искать поставщика. Мы сами создадим «товар». Не настоящие сигареты, а… имитацию. Это дешевле, быстрее, и риск меньше.
— А венгры? — спросил Шура.
— С ними поговорим лично. Без посредников. Я знаю, как их заинтересовать.
— А водитель? — уточнил Корейко.
— Найдём другого. Кто не боится. Или… — Остап задумался. — Или мы сами повезём.

Бендер нашёл мастерскую, где делали картонные коробки. За небольшую плату он заказал партию «пачек» — без сигарет, но с маркировкой.

— Это будет «образец», — объяснил он. — Покажем венграм — они заинтересуются. Потом — договоримся о поставке.

Корейко связался с венгерским представителем через знакомого торговца. Встреча была назначена на следующий день.

Балаганов нашёл водителя — бывшего гонщика, который нуждался в деньгах. Тот согласился:

— Если заплатите тройную цену — повезу. Но только один раз.

Встреча прошла в кафе на окраине города. Венгр, мужчина с холодными глазами и шрамом на щеке, осмотрел «образец», хмыкнул:

— Это не сигареты.
— Пока — нет, — согласился Бендер. — Но мы можем организовать поставку. Настоящих. Если договоримся.

Венгр задумался, потом кивнул:

— Хорошо. Но сначала — пробный рейс. Если всё пройдёт гладко — будем работать.

Он протянул руку:

— Договорились?

Остап пожал её:

— Договорились.

Ночь седьмая: обсуждение итогов

В гостинице троица собралась за столом. На нём — остатки ужина, бутылка вина и блокнот с расчётами.

— Мы сделали первый шаг, — сказал Бендер. — Теперь — перевозка. Если всё пройдёт хорошо, получим деньги. И сможем двигаться дальше.

Глава четвертая. Сделка с Драгошем *(продолжение)*

Шура посмотрел на карту Европы:

— Дальше-то что? Даже если повезём эти «сигареты» и получим деньги — всё равно до Софии не доберёмся. А там — ещё граница, ещё расходы…

Бендер отложил блокнот, потянулся за бутылкой вина и наполнил стаканы:

— Давайте рассуждать трезво. У нас три задачи: выжить в Бухаресте, не привлекая внимания; заработать на билеты до Софии и взятки на границе и найти способ получить доступ к швейцарскому счёту — хотя бы к части средств.

Сейчас мы решаем первую и вторую. Третья — пока в тумане. Но без первых двух третья вообще не имеет смысла.

Корейко вздохнул:

— А если венгры поймут, что мы их обманываем? Если проверят груз?

— Не проверят, — спокойно ответил Остап. — Мы покажем «образец» — пачку с маркировкой. Скажем: партия идёт из Болгарии, но нужно сначала убедиться, что товар соответствует стандартам. Они захотят увидеть «настоящий» груз — мы организуем показ. Но не всей партии, а одной коробки. А в ней — настоящие сигареты. Купленные на последние деньги.

Балаганов покачал головой:

— То есть мы потратим всё, что есть, чтобы убедить их? А если они всё равно откажутся?

— Тогда, — усмехнулся Бендер, — мы предложим им скидку. Или рассрочку. Или — он сделал паузу, — скажем, что можем организовать поставки через другую границу. Где меньше контроля.

Троица разделила обязанности. Остап договаривался с венгром о «демонстрации товара». Он настаивал на встрече в нейтральном месте — в кафе на окраине, где меньше шансов на засаду. Корейко искал магазин, где можно купить партию настоящих сигарет. Нужно было найти качественный товар по минимальной цене — чтобы не потратить всё, что осталось. А Балаганов готовил «образец»: нашёл коробку, аккуратно вложил туда пачку сигарет и добавил несколько пустых пачек с той же маркировкой, чтобы создать впечатление объёма.

К вечеру все были на местах.

— Венгр согласился, — сказал Бендер. — Встреча завтра, в 16:00. Место — кафе «Букур».

— Сигареты купил, — сообщил Корейко. — Пятьдесят пачек, по цене ниже рыночной. Но это все наши деньги.

Шура поднял коробку:

— Готово. Выглядит как настоящая партия. Если не вскрывать, не отличишь.

Остап осмотрел «образец», кивнул:

— Хорошо. Теперь — план на случай, если что-то пойдёт не так.

Он достал лист бумаги и начал чертить. Если венгры требуют всю партию — говорим, что она уже в пути, но нужна предоплата. Если хотят проверить упаковку — предлагаем открыть одну коробку (ту, что с настоящими сигаретами). Если начинают угрожать — ссылаемся на «партнёров в Болгарии», которые могут разорвать контракт. Если дело доходит до физической конфронтации — уходим через чёрный ход кафе. Там будет ждать машина.

— А где машина? — спросил Шура.

— Найдена, — ответил Остап. — Водитель — бывший гонщик, ему заплатили вперёд. Он ждёт за углом.

Кафе было полупустым. В углу — двое мужчин в тёмных костюмах, явно охрана. За центральным столиком — венгр, тот же, с шрамом. Он поднял глаза, когда троица вошла.

— Ну что, — сказал он, не здороваясь. — Где товар?

Бендер поставил на стол коробку:

— Вот образец. Партия уже в пути из Болгарии. Но мы хотим убедиться, что вы заинтересованы.

Венгр открыл коробку, достал пачку, осмотрел:

— Качество… приемлемое. Но почему так мало?

— Это только образец, — спокойно объяснил Остап. — Основная партия — тысяча коробок. Но нам нужно знать, что вы готовы платить.

— Платить? — усмехнулся венгр. — За что? За коробку с пустыми пачками?

Он резко открыл одну из «пустышек», ухмыльнулся:

— Обман?

В этот момент в кафе вошли ещё двое мужчин. Охрана венгра поднялась.

— Спокойно, — сказал Бендер, поднимая руки. — Это не обман. Вот настоящие сигареты. — Он достал из кармана пачку и положил на стол. — Мы хотели показать, что товар качественный. Но партия большая, и нам нужна уверенность.

Венгр задумался, потом кивнул:

— Хорошо. Давайте поговорим о цене.

Разговор длился два часа. Венгр требовал скидку, Остап настаивал на предоплате. Корейко вставлял реплики о «сложностях логистики», а Шура молча наблюдал за охраной.

Наконец, венгр сказал:

— Пять тысяч леев за партию. Предоплата — половина. Остальное — после доставки.

Бендер сделал вид, что колеблется:

— Этого мало. Но если вы гарантируете оплату второй части, мы согласны.
— Гарантии? — Венгр рассмеялся. — Здесь гарантии — это слово. И репутация.
— Тогда — договор, — кивнул Остап. — Письменный. С подписями.

Венгр нахмурился, но согласился.

Через час на столе лежал документ:

Продавец: «Компания „Балкан-Трейд“» (представитель — Остап Бендер).

Покупатель: «Венгерская торговая ассоциация» (представитель — неизвестный).

Предмет сделки: 1 000 коробок сигарет (марка «Букур»).

Цена: 5 000 леев.

Предоплата: 2 500 леев (в течение 24 часов).

Остаток: после доставки (в течение 48 часов).

Венгр подписал, передал копию Бендеру.

— Деньги будут завтра, — сказал он. — Но если вы обманули…

— Мы не обманываем, — перебил Остап. — Мы — деловые люди.

В гостинице троица собралась за столом. На нём — копия договора, два стакана воды и остатки хлеба.

— Что дальше? — спросил Корейко.

— Завтра получим деньги, — ответил Бендер. — Часть — на билеты до Софии. Часть — на взятки на границе. Остальное — на «непредвиденные расходы».

Балаганов вздохнул:

— А если венгры всё равно нас обманут? Если после предоплаты исчезнут?
— Тогда, — улыбнулся Остап, — у нас будет документ. И мы знаем, где их найти.

Он свернул договор, положил в карман:

— Теперь главное — не торопиться. И не привлекать внимания.

За окном шумел Бухарест, а в номере гостиницы трое мужчин смотрели на карту Европы — на пунктирные линии маршрутов, на города, где их ждали не только опасности, но и шанс на новую жизнь.

Глава пятая. Последний рубеж: путь в Софию

Утро выдалось ясным и солнечным. В номере гостиницы «Карпаты» царила непривычная тишина. На столе — пустая бутылка вина, три стакана, стопка бумаг и паспорта́ с иностранными фамилиями.

— Итак, — произнёс Бендер, перекладывая документы. — Всё готово. Отчёты отправлены, «закупки» оформлены, новые личности утверждены.

Балаганов провёл рукой по обложке своего паспорта:

— Но как мы объясним пограничникам, что трое немцев едут в Софию?

— А зачем объяснять? — усмехнулся Остап. — Мы — коммерсанты. Едем на ярмарку. У нас есть визитки, письма-приглашения, даже образцы товаров — пару рулонов ткани, купленных на рынке.

Корейко, разглядывая свой паспорт, уточнил:

— Но деньги… У нас осталось ровно на три билета до Софии. И ни гроша сверху.
— Зато у нас есть головы на плечах, — ответил Бендер. — А в Софии — новые возможности.

Троица разделила последние задачи. Бендер проверил билеты на поезд и убедился, что места в вагоне второго класса забронированы на новые имена. Корейко собрал вещи, упаковал документы и спрятал в потайной карман копию договора с венграми (на всякий случай). А Балаганов купил продукты в дорогу: хлеб, сыр, бутылку дешевого вина и несколько яблок — чтобы не тратить деньги в вагоне-ресторане.

К полудню всё было готово. Оставалось только дождаться вечера — времени отправления поезда.

В маленьком ресторане у реки Дымбовицы троица заказала последнее «русское» блюдо — борщ, который здесь называли «суп по-московски».

— Помните, как мы в Черноморске мечтали о Рио-де-Жанейро? — вдруг спросил Балаганов.

— Мечтали, — кивнул Бендер. — Но тогда у нас не было ни денег, ни плана. Теперь — есть. Пусть пока не всё, но…

— Но мы движемся вперёд, — закончил Корейко. — Это главное.

Они молча ели, каждый думая о своём. Остап вспоминал все аферы, которые привели их сюда — от «благотворительно лотереи» до сделки с Драгошем. Корейко мысленно пересчитывал оставшиеся леи, прикидывал, сколько их хватит в Софии. Шура думал о том, как изменится его жизнь, когда они пересекут границу.

Когда официант принёс счёт, Бендер достал последние деньги:

— Это наш последний ужин как советских граждан. Дальше — новые имена и новые правила.

На вокзале было шумно. Толпы пассажиров, крики носильщиков, свист паровозов. Троица прошла к своему вагону и предъявила билеты проводнику. Тот проверил билеты и документы и впустил их в вагон. Они вошли в купе. Узкое, с жёсткими сиденьями, но чистое. За окном — огни Бухареста, за спиной — прошлое. Поезд тронулся. Медленно, с лязгом колёс, затем — быстрее. За стеклом поплыли дома, улицы, фонари.

— Ну вот, — сказал Остап, глядя в окно. — Мы больше не Бендер, Корейко и Балаганов. Теперь мы — герры Шульц, Шпек и Шмидт.

Шура усмехнулся:

— И куда нас занесёт?

— В Рио-де-Жанейро, — ответил Бендер. — Рано или поздно. Но сначала — София. А там… посмотрим.

Он достал из кармана карту Европы, развернул:

— Вот наш маршрут: София, потом — Белград, Загреб и Триест. Оттуда — морем до Лиссабона. А в Лиссабоне — корабль до Нью-Йорка.

Корейко покачал головой:

— Это… долго.

— Долго, — согласился Остап. — Но мы уже начали. И останавливаться не будем.

За окном мелькали огни, поезд набирал ход. В купе было тихо, только стук колёс да далёкие гудки паровоза. Трое мужчин сидели молча, глядя вперёд — туда, где их ждали не ответы, а новые вопросы.

Но теперь у них было главное — шанс.

Глава шестая. София: новые препятствия и неожиданные решения

Поезд плавно замедлил ход, и за окном проступили очертания софийских вокзальных строений — строгие линии, каменные колонны, толпа встречающих. Вагон дрогнул и остановился.

— Ну вот, — произнёс Бендер, поднимаясь. — София. Следующая остановка — Белград.

Балаганов потянулся за чемоданом:

— А как мы туда попадём? У нас даже билетов нет.
— Будут, — усмехнулся Остап. — Сначала — деньги. Без них мы никуда не уедем.

Троица направилась в центр города, где располагались крупнейшие банки. План был прост: найти отделение, работающее с международными переводами; предъявить документы (новые паспорта) и запросить доступ к счёту в швейцарском банке и получить хотя бы часть суммы — на билеты и текущие расходы.

Но всё пошло не так.

В первом банке служащий, изучив бумаги, покачал головой:

— Мы не можем провести операцию без подтверждения из Швейцарии. Это займёт… недели.

Во втором потребовали дополнительные справки — о происхождении средств, месте жительства, целях визита.

В третьем отказали вовсе, ссылаясь на «технические ограничения».

К вечеру троица собралась в дешёвой кофейне. На столе — три чашки остывшего кофе, пустые тарелки и потрёпанный блокнот Бендера.

— Итог: денег нет, — подытожил Корейко. — А в кармане — сто левов. Хватит на неделю, если экономить.
— Зато у нас есть головы, — возразил Остап. — И опыт. Значит, будем зарабатывать.

Бендер достал блокнот и начал чертить схемы.

— В София много торговцев. Многие ищут редкие товары — например, французские духи, немецкие часы, английские ткани. Мы можем найти покупателя, готового заплатить аванс; сказать, что товар уже в пути — из Вены или Будапешта; получить деньги, купить дешёвый аналог, продать и сбежать до того, как покупатель поймёт, что его обманули.

Шура вздохнул:

— Опять обман?
— Не обман, — поправил Остап. — Бизнес. Временный. Пока не найдём другой путь.

Корейко нахмурился:

— А если нас поймают? В чужой стране…
— Значит, не поймают, — улыбнулся Бендер. — Мы будем осторожны.

Троица разделила роли.
Бендер искал покупателей. Он заходил в дорогие магазины, представлялся агентом торговой фирмы, предлагал эксклюзивные поставки. Корейко вёл переговоры, составлял контракты, настаивал на предоплате (30–50 %). А Балаганов находил дешёвые аналоги товаров: на рынках, у мелких ремесленников, даже в лавках старьёвщиков.

К пятому дню они получили: 1 200 левов от ювелира, заказавшего «швейцарские часы»; 800 левов от владельца магазина парфюмерии, купившего «французские духи»; 500 левов от торговца тканями, заплатившего за «английское сукно». Всего — 2 500 левов.

— Этого хватит на билеты до Стамбула, — сказал Остап, пересчитывая деньги. — И на пару дней в дороге.

В ресторане с видом на собор Святой Недели троица заказала мясо, вино и свежие овощи.

— Мы сделали это, — произнёс Шура, поднимая бокал. — Снова.
— Но это не конец, — напомнил Корейко. — Впереди — Сербия. А там… кто знает?
— Там — новые возможности, — уверенно сказал Бендер. — Главное — не останавливаться.

Они молча ели, наблюдая, как за окном гаснут огни Софии.

Утром троица отправилась на вокзал. План был таков: купить билеты до Белграда (Сербия) — оттуда легче добраться до Триеста; а если не получится — попробовать Македонию (Салоники) или Грецию (Афины).

Но на вокзале их ждал сюрприз. Сербия требовала визы, которых нельзя было получить без консульской проверки (срок — две недели). Македония закрыла границу из-за «эпидемических ограничений» (в городе ходили слухи о вспышке тифа). А Греция ввела временный запрет на въезд для граждан ряда стран, включая Румынию.

— Всё закрыто, — вздохнул Балаганов, вернувшись с вокзала. — Что теперь?
— Турция, — ответил Остап. — Через Стамбул мы сможем добраться до Афин. А дальше всё по плану.
— А деньги? — уточнил Корейко.
— На билеты до Стамбула хватит. А дальше… — Бендер улыбнулся. — Дальше придумаем.

На вокзале — шум, суета и крики носильщиков. Троица предъявила билеты проводнику и вошла в вагон. Места — в третьем классе, но это неважно. Они устроились у окна. За стеклом — софийские улицы, затем — поля, горы и граница.

— Итак, — сказал Бендер, глядя в окно. — Турция.

Корейко поморщился:

- На черта нам эта Турция? Получается, что мы пока едем не вперед в Европу, а назад в Азию. К чему такой крюк?

- Из Турции проще попасть в Грецию, - пояснил Остап. – А потом двинемся по намеченному маршруту.

Шура усмехнулся:

— И сколько ещё стран нам предстоит пересечь?

— Столько, сколько нужно, — ответил Остап. — Но мы доберёмся.

Глава седьмая. Турецкие приключения

Лето 1930 года выдалось в Стамбуле немилосердно жарким: раскалённый воздух дрожал над мостовыми, солнце палило с безоблачного неба, превращая мраморные фасады в ослепительные зеркала, а тенистые переулки — в ловушки духоты. Пахло морем, пряностями и разогретым асфальтом; где-то вдали монотонно звучали призывы муэдзинов, смешиваясь с гомоном базара и стуком колёс арб. Поезд, пыхтя, вполз на перрон Сиркеджи, и троица — Шмидт, Шпек и Шульц — шагнула в этот пёстрый, шумный и пропитанный зноем мир.

В вокзальной суете они быстро нашли извозчика, договорились о цене и покатили по узким улицам к центру: мимо мечетей с устремлёнными ввысь минаретами, мимо лавок, где на верёвках сушились разноцветные ткани, мимо чайных, где мужчины в фесках неторопливо пили чай из грушевидных стаканчиков. Отель — скромный, но чистый, с балконами, выходящими на пролив, — встретил их прохладой тёмных комнат и запахом жасмина из сада. Заселившись, они сразу условились: день на осмотр города, потом — дела.

На следующий день, едва солнце поднялось над Босфором, одевшись в легкие рубашки и шорты, они отправились бродить. Прошлись по Галатскому мосту, где рыбаки вытягивали серебристых кефалей, заглянули в Айя-Софию — под гигантский купол, где свет пробивался сквозь зарешёченные окна, окрашивая мрамор в золотистые тона. Посетили Гранд-базар: лабиринт улочек, где торговали коврами, медными кувшинами, янтарными бусами и душистыми специями; в воздухе висел гул голосов, звон металла и терпкий аромат кофе. К полудню жара стала невыносимой, и они укрылись в тенистой кофейне у набережной, где заказали холодный айран и наблюдали, как мимо скользят парусники и пароходы.

Но отдых был недолгим. На третий день Бендер повёл компаньонов в банки. Они обошли три отделения, предъявляли паспорта, показывали выписки со счёта, объясняли, что нуждаются в небольшой сумме на дорожные расходы. В первом банке служащий вежливо отказал, сославшись на «процедурные задержки»; во втором потребовали гарантийное письмо из Швейцарии, которого, разумеется, не было; а в третьем предложили ждать неделю — пока запрос пройдёт все инстанции. К вечеру они сидели в том же номере, уставшие и раздосадованные: денег по-прежнему не было, а жара давила, как тяжёлый плед.

— Значит, — сказал Остап, вытирая платком пот со лба, — будем искать другой путь. Здесь, в Стамбуле, деньги крутятся везде — на базаре, в портах, в кофейнях. Нужно только найти лазейку и русского эмигранта-переводчика для переговоров с турками.

И он нашёл. В одной из чайных, где собирались судовладельцы и торговцы, Бендер услышал разговор о дефиците упаковочных материалов: в городе не хватало прочных ящиков для перевозки фруктов и овощей на экспорт. Многие грузы портились из-за плохой тары, а местные мастера не успевали выполнять заказы. Остап тут же придумал схему: найти столяра, заказать партию ящиков и продать их с наценкой, получив предоплату.

Они разделили роли: Корейко вёл переговоры с торговцами, убеждая их в надёжности поставщика и настаивая на авансе; Балаганов отыскал мастерскую на окраине, где мастер согласился сделать ящики за треть цены, если заплатят сразу; а Бендер же заключал сделки, демонстрируя образцы и обещая быструю доставку. За неделю они заключили пять контрактов, получили 3 500 турецких лир и тут же обменяли часть на греческие драхмы — на всякий случай.

— Этого хватит на билеты до Афин, — сказал Остап, пересчитывая купюры. — И ещё останется на пару дней в дороге.

Вечером они устроили прощальный ужин в ресторанчике у пролива. На столе — жареная баранина, свежие огурцы, хлеб и вино. За окном — огни кораблей, мерцающие на тёмной воде, и далёкие силуэты мечетей.

— Стамбул, — произнёс Шура, поднимая бокал. — Здесь было жарко, но мы не расплавились.

— Не расплавились, — усмехнулся Корейко. — Но сколько ещё таких городов впереди?

— Столько, сколько нужно, — ответил Бендер. — Главное — мы движемся.

Они ели молча, слушая, как за стеной смеются и поют посетители, как плещет вода о причал. Утром — поезд до границы, потом — паром, потом — Афины. А там, быть может, уже виден будет берег, где кончается беготня и начинается новая жизнь.

Глава восьмая. Афинские перекрёстки

Паром подошёл к афинскому порту ранним утром. Солнце уже палило нещадно, отражаясь в бирюзовой воде Саронического залива. На набережной кипела жизнь: грузчики перетаскивали ящики, торговцы расставляли лотки с фруктами, а вдали, на фоне лазурного неба, чётко вырисовывался силуэт Акрополя — его мраморные колонны казались высеченными из самого света.

Троица «герров» сошла на берег с лёгким багажом и твёрдым намерением: найти жильё, осмотреться, получить деньги со счёта и двигаться дальше. Заселились они в небольшую гостиницу в Плаке — районе с узкими улочками, увитыми виноградными лозами, и домами, выкрашенными в пастельные тона. В номере было прохладно благодаря толстым стенам и ставням, а из окна открывался вид на древние руины и современные кофейни.

С утра, едва жара немного спала, компаньоны отправились на осмотр достопримечательностей. Они поднялись к Акрополю — по выщербленным ступеням, мимо колонн Парфенона, где ветер шептал сквозь мрамор, будто пересказывая тысячелетние истории. Постояли у Эрехтейона, разглядывая кариатид, затем спустились в Древнюю Агору, где тенистые портики хранили память о речах философов.

В обед укрылись в таверне у площади Монастираки. На столе — оливки, фета, свежий хлеб и холодное белое вино. Вокруг — шум города, звон посуды и смех.

— Здесь всё дышит историей, — произнёс Корейко, глядя на руины. — А мы… просто проходим мимо.

— Не просто, — возразил Бендер. — Мы ищем своё место в этой истории.

После обеда они прошлись по Плаке — лабиринт улочек, сувенирные лавки, запах жареных каштанов. К вечеру, когда солнце опустилось к морю, вернулись в гостиницу, усталые, но довольные.

Утро следующего дня началось с обхода банков. Они выбрали три солидных отделения в центре, предъявили паспорта, выписки и объясняли, что нуждаются в небольшой сумме — всего 500 драхм.

В первом банке служащий, изучив документы, сказал:

— Мы должны запросить подтверждение из Швейцарии. Это займёт не меньше двух недель.

Во втором потребовали залог — недвижимость или поручительство гражданина Греции.

В третьем предложили открыть счёт и перевести средства туда, но с комиссией в 30 % и сроком ожидания в десять дней.

К полудню они сидели в тенистой кофейне, опустошённые.

— Опять тупик, — вздохнул Балаганов. — И жара такая, что голова не варит.

— Варит, — усмехнулся Бендер. — Просто нужно искать там, где деньги текут рекой, а не лежат под замком.

Остап вспомнил: в Афинах много туристов, особенно англичан и немцев. Они ищут сувениры, но не хотят переплачивать на базаре. А местные ремесленники продают изделия по низким ценам, но не умеют выходить на клиентов.

План был таков: найти мастеров — гончаров, резчиков по дереву или ювелиров; договориться о закупке изделий по оптовой цене; открыть небольшую лавку в туристическом районе и продавать с наценкой; а получив прибыль — уехать.

Они разделили роли: Бендер вёл переговоры с мастерами, убеждая их в выгодности сделки; Корейко рассчитывал цены, составлял договоры, следил за качеством; а Балаганов арендовал помещение, украшал витрину и привлекал покупателей.

За четыре дня они закупили 50 керамических ваз, 30 деревянных шкатулок, 20 серебряных браслетов, открыли лавку у площади Синтагма и продали почти всё, заработав 1 800 драхм.

— Этого хватит на билеты до Тираны, — сказал Остап, пересчитывая деньги. — И ещё останется на дорогу.

Утром они отправились в порт Пирей, чтобы купить билеты на пароход до Италии — через Ионическое море. Но на месте их ждал сюрприз: рейсы задерживались из-за штормов, билеты на ближайшие дни были распроданы, и даже если бы они нашли место, то стоимость оказалась бы непомерной — почти все их деньги ушли бы на проезд.

— Значит, не морем, — сказал Бендер, глядя на волнующиеся воды. — Значит — землёй.

Он достал карту:

— Албания. Оттуда — в Сербию, а дальше — как повезёт.

В той же таверне у Монастираки они заказали ужин: жареного осьминога, салат из помидоров и огурцов и красное вино. За окном — огни города, шум улиц, далёкие звуки бузуки.

— Помните, как мы в Бухаресте думали, что всё пропало? — спросил Шура, поднимая бокал.

— Помню, — кивнул Остап. — Но мы не пропали. Мы просто шли дальше.

— А что дальше? В Албании нас тоже не ждут, — задумчиво повертел в руках монету Корейко.

— Нас нигде не ждут, — улыбнулся Бендер. — Но это не значит, что нам некуда идти.

Они ели молча, слушая музыку города. В воздухе пахло морем, специями и надеждой.

На вокзале их ждал поезд до границы. Места — в вагоне третьего класса, но это неважно. Проводник проверил билеты и кивнул:

— Καλη τύχη (доброй удачи).

Они сели у окна. За стеклом — афинские улицы, затем — поля, горы и граница.

— Албания, — произнёс Остап, глядя вперёд. — Следующая остановка — мир.

Поезд тронулся. Колёса стучали по рельсам, увозя их всё дальше от прошлого и ближе к будущему.

Глава десятая. Афера в Албании

Раннее утро в Тиране. Солнце уже поднялось над крышами старого города, заливая улицы золотистым светом. Воздух был свеж и прозрачен, пах морем и свежезаваренным кофе. В номере гостиницы «Гранд-отель» трое компаньонов собрались за круглым столом у окна — Герман Шульц (в прошлом Остап Бендер), Генрих Шпек (бывший Корейко) и Ганс Шмидт (прежде Шура Балаганов). На столе лежали карты, бумаги и блокнот с расчётами Корейко и три чашки остывающего кофе.

— Итак, — начал Бендер, поправляя манжету рубашки, — у нас есть разрешение на торговлю оливковым маслом и табаком. Но мы не будем торговать. Мы создадим видимость: откроем офис, наймём пару клерков и закажем бланки. А потом… продадим этот «бизнес» какому-нибудь наивному инвестору.

Корейко нахмурился и перелистнул страницу блокнота:

— Риск, Герман Карлович. Местные быстро поймут обман. Могут возникнуть проблемы с властями. И для начала надо найти русского эмигранта-переводчика для общения с местными чиновниками.

— Не поймут, если всё сделать аккуратно, — возразил Остап. — А переводчика искать не надо: по удивительному совпадению здесь в носильщиках служит мой давний московский знакомец Николай Иванович Орлов – я видел его в холле, и он меня узнал – и думаю, что за небольшую плату он поможет создать видимость солидности. Мы покажем контракты, счета и даже склад с парой бочек масла. Главное — найти покупателя, который мечтает разбогатеть без усилий.

Балаганов оживился и подался вперёд:

— Я знаю таких типов! В кафе у порта каждый день сидят — мечтают о большом деле, а работать не хотят. Там и искать надо.

Бендер улыбнулся:

— Отлично, Ганс. Займитесь разведкой. Ищите того, кто хвастается деньгами, но не знает, куда их вложить. Александр Иванович, подготовьте документы: устав фирмы, балансы и договоры с «поставщиками». Всё должно выглядеть безупречно. И не забудьте про печати — они придают вес.

Корейко кивнул:

— Сделаю, Герман Карлович. Но цена? Сколько запросим?

— Пять тысяч золотых франков. Не больше — иначе испугаем. Не меньше — иначе заподозрят подвох. И ещё: пусть Орлов представит нас кому-нибудь из местных чиновников. Нам нужно создать ореол «надёжных иностранцев».

Следующие дни прошли в лихорадочной деятельности. Корейко с помощью Орлова оформил фирму «Адриатик Трейд» — снял офис в центре Тираны, нанял двух клерков (студентов, мечтавших о карьере) и заказал печати и бланки. А Балаганов тем временем обходил кафе у порта, прислушивался к разговорам и приглядывался к посетителям.

Однажды вечером он вернулся в гостиницу возбуждённый:

— Нашёл! — выпалил он, едва переступив порог. — Торговец скотом, Мустафа-ага. Богат, хвастлив, мечтает «выйти в люди». Сегодня он хвастался, что готов вложить деньги в солидный бизнес.

Бендер поднял бровь:

— Отлично. Завтра встреча. Александр Иванович, проверьте ещё раз все бумаги. Ганс, узнайте, где он бывает чаще всего. Нам нужно выбрать место, где он будет чувствовать себя уверенно.

Корейко достал папку и начал листать документы:

— Всё готово. Уставной капитал — 10 000 франков. Контракты с греческим поставщиком и немецким покупателем. Счета в банке открыты. Даже склад арендовали — там стоя́т две бочки масла и ящик табака для вида.

— Хорошо, — кивнул Остап. — Завтра в 11 утра встреча в ресторане «Гранд-отеля». Орлов будет переводчиком. Ганс, вы будете «деловым партнёром» — кивайте, поддакивайте и создавайте атмосферу. Александр Иванович — держите бумаги наготове.

На следующий день в ресторане было людно. Бендер, Корейко и Балаганов заняли столик у окна. Через полчаса появился Мустафа-ага — плотный мужчина в тёмном костюме, с золотыми перстнями на пальцах. Рядом шёл Орлов.

— Добрый день, господа, — произнёс Мустафа, садясь. — Николай Иванович говорит, что у вас есть интересное предложение.

Бендер улыбнулся, достал папку:

— Очень интересное. Мы уже наладили поставки оливкового масла из Греции в Германию. Теперь хотим расширить дело в Албании. Но нам нужен местный партнёр — человек с опытом и связями.

Орлов переводил, подчёркивая важные моменты. Корейко развернул на столе контракты, счета и банковские гарантии. Балаганов важно кивал, разглядывая меню.

— Вот договор с греческим поставщиком, — продолжал Остап. — Вот предоплата от немецкого покупателя. Вам остаётся только вложить деньги — и через месяц получите прибыль в 30 процентов.

Мустафа хмурился, листал бумаги:

— А если не получится?

— У нас безупречная репутация, — вмешался Орлов. — Эти господа уже сделали состояние в Италии. Теперь хотят расширить дело.

Корейко добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.